

DK
211
15
Рук

С. Г. Рункевичъ.

ИЗЪ ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННОЙ

ЖИЗНИ

ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ НАШЕГО СТОЛѢТІЯ.

Письма къ бывшему оберъ-прокурору Св. Синода С. Д. Нечаеву:

	стр.		стр.
А. С. Стурды	4	Архим. Фотія	30
О. А. Голубянского	26	А. С. Пушкина	37

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Товарищество «Печать С. П. Яковлева», Невскій пр., д. №
1896.

Э. ИСХАКОВ

ССР 4/1

Изъ церковно-общественной жизни второй четверти нашего столѣтїя.

Письма къ бывшему оберъ-прокурору св. синода С. Д. Нечаеву.

ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННАЯ жизнь второй четверти текущаго столѣтїя носитъ любопытную окраску. Мистицизмъ Александрова вѣка, съ его широкими задачами и несбыточными мечтами, постепенно, медленно, но безповоротно угасаль, какъ пламя лампы, въ которой уже не оставалось елѣя. На сцену жизни бодро и смѣло пробивались различныя практическія вѣянія и направленїя.—практическія не только въ смыслѣ опредѣленности ихъ задачъ и полной осуществимости въ жизни, а главнымъ образомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы объ иномъ поступкѣ говоримъ: „это практично“, или объ иномъ человѣкѣ: „это практичный человѣкъ, практикъ“. Эти практическія вѣянія и направленїя въ церковно-общественной жизни сформировались потому въ такъ называемыя „протасовскія времена“, когда, между прочимъ, получило господство стремленіе поставить и духовное сословіе на военную ногу.

Была ли борьба между этими двумя направленїями изъ-за права господства въ жизни?—Нѣтъ.—Были жертвы увлеченїи мистицизма, сектанты, очень не малочисленные, но ихъ печальный конецъ зависѣль скорѣе отъ государственнаго строя, нежели отъ переменъ направленїя общественной жизни. Всякое „направленіе“, какимъ бы величественнымъ и могущественнымъ оно ни казалось въ минуты расцвѣта, рано или поздно имѣеть свой конецъ. Только одна истина *пребываетъ во вѣкъ*. Мистицизмъ угасаль потому, что онъ самъ одряхлѣль, изжился. И странную можно было наблюдать картину въ обще-

ственной жизни этого времени. Прежніе столпы мистицизма, по свойственному каждому человѣку непреодолимому желанію удержать за собою поле жизни и власти, спѣшили склонить свои сѣдья головы предъ новыми вѣяніями, инстинктивно чувствуя, что побѣда достанется этимъ вѣяніямъ. Но *новыя заплаты* были не къ лицу *старымъ мхамъ*. Новыя вѣянія были несены и людьми новыми; эти новые люди скоро и стали въ переднихъ рядахъ.

На рубежѣ двухъ описанныхъ нами теченій жизни началъ свою церковно-общественную дѣятельность и скоро ее закончилъ Степанъ Дмитриевичъ Нечаевъ, бывший оберъ-прокуроромъ Св. Синода съ 7 апрѣля 1833 по 25 іюня 1836 года.

С. Д. Нечаевъ былъ сынъ данковскаго уѣзднаго предводителя дворянства, началъ государственную службу съ 16 января 1811 года аэтуаріусомъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, 1 апрѣля того же года, по высочайшему повелѣнію, былъ опредѣленъ къ рижскому военному губернатору, генералу-отъ-инфантеріи, князю Лобанову-Ростовскому, именнымъ указомъ 23 января 1812 года „произведенъ въ переводчики“, во время ополченія двѣнадцатаго года принималъ участіе „въ формированіи разныхъ войскъ“ во Владимирѣ и Арзамасѣ, 12 декабря 1812 года возвратился въ коллегію „съ одобреніемъ ревностной службы“, 17 октября 1814 года перешелъ въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія, будучи назначенъ почетнымъ смотрителемъ скопинскихъ училищъ, 18 сентября 1818 года утвержденъ въ званіи директора училищъ тульской губерніи, 9 января 1824 года опредѣленъ въ канцелярію военнаго генералъ-губернатора для особыхъ порученій, 15 мая того же года, по соизволенію государыни императрицы Елизаветы Алексѣевны, утвержденъ въ должности казначея и секретаря по московскому дому трудолюбія. Новое царствованіе С. Д. Нечаевъ ознаменовалъ пожертвованіями въ пользу разныхъ благотворительныхъ учрежденій. 18 марта 1826 года онъ былъ опредѣленъ членомъ комитета московской глазной больницы, 10 мая того же года попечителемъ глѣбовскаго подворья, 31 іюля отраженъ въ канцелярію статсъ-секретаря Лонгинова для письмоводства бывшаго въ Москвѣ комитета для рассмотрѣнія про-

шений, на высочайшее имя подаваемыхъ, 28 сентября откомандированъ, по высочайшему, повелѣнію въ помощь флигель-адъютанту графу Строгонову 2-му по порученнымъ ему изслѣдованіямъ въ пермской губерніи; результатомъ этой командировки явились обширныя его записки о состояніи раскола въ пермской губерніи, недавно издавныя Н. И. Сувотиннымъ въ „Братскомъ Словѣ“. 13 іюня 1827 года Степанъ Дмитріевичъ былъ причисленъ къ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, 1 декабря 1828 года, въ чинъ коллежскаго совѣтника, империальнымъ высочайшимъ указомъ Св. Синоду, опредѣленъ за оберъ-прокурорскій столъ Св. Синода (должность, отчасти соответствующая нынѣшней должности товарища оберъ-прокурора). Оберъ-прокуроромъ Св. Синода въ то время былъ князь П. С. Мещерскій, родственникъ С. Д. Нечаева по женѣ. 6 апрѣля 1829 года Степанъ Дмитріевичъ получилъ чинъ статскаго совѣтника и былъ назначенъ членомъ Комиссіи духовныхъ училищъ, 8 декабря 1831 года былъ возведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники¹⁾. 25 іюня 1836 года Степанъ Дмитріевичъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники и опредѣленъ присутствующимъ въ сенатѣ, съ оставленіемъ членомъ Комиссіи духовныхъ училищъ. Послѣ этого онъ поселился въ Москвѣ и прожилъ тамъ до бончины, въ собственномъ домѣ на Дѣвичьемъ полѣ, въ званіи президента комитета о просящихъ милостыни, отдавая свои досуги дѣлу благотворительности. Въ это время онъ забросилъ свои занятія стихотворствомъ, надъ которымъ трудился въ молодые годы, и свободное время теперь посвящалъ астрологіи, вмѣстѣ съ немногими своими интимными друзьями, пытаясь въ положеніи и движеніи свѣтилъ небеснаго свода пайти отеліки многмятежной человѣческой жизни, съ ея неразгаданными тайнами и неизвѣстностью будущаго.

Въ май-іюньской книжкѣ „Христіанскаго Чтенія“ за прошлый годъ нами были напечатаны письма къ С. Д. Нечаеву архимандрита Игнатія Брянчаннинова, любезно сообщенныя намъ старшимъ сыномъ покойнаго Степана Дмитріевича Дмитріемъ Степановичемъ Нечаевымъ. Теперь печатаются полу-

¹⁾ Архивъ Канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода. дѣло 1828 г., № 5815.

ченныя отъ того же лица письма къ С. Д. Нечаеву А. С. Стурдзы, протоіерея Ѡ. А. Голубинскаго, извѣстнаго архимандрита Фотія и неизданное доселѣ письмо А. С. Пушкина.

I.

Письма А. С. Стурдзы.

„Имя Стурдзы недавно еще гремѣло по всей Россіи; съ любовію и уваженіемъ произносилось оно въ особенности образованнымъ духовенствомъ и людьми благочестивыми, ищущими въ чтеніи духовнаго назиданія; сочиненія его расходились въ огромномъ количествѣ. Въ настоящее время это досточтимое имя почти забыто; рѣдко оно появляется на страницахъ періодическихъ изданій; мало и немногими нынѣ читаются сочиненія Стурдзы“. Такъ писалъ въ 1876 году въ „Духовной Бесѣдѣ“ біографъ А. С. Стурдзы; въ настоящее время эти слова можно повторить съ тою лишь прибавкой, что теперь, позволительно сказать, вовсе не читаютъ сочиненій Стурдзы. Причиною скорого забвенія писаній благочестиваго тайнаго совѣтника является безспорно своеобразная ихъ односторонность, узость кругозора, отсутствіе заповѣданной Христомъ *всеобъемлющей* любви, нетерпимость къ чужой мысли при непоколебимомъ убѣжденіи не только въ своемъ правовѣрїи, но и въ своемъ правомірїи и правосмысли. Обладая такими качествами, творенія Стурдзы, не смотря на всю ихъ благонамѣренность, на все ихъ благочестіе, все-таки не лишены нѣкоего горделиваго *кваса фарисейска*. Но забытый для современности, Стурдза оставилъ несомнѣнный слѣдъ въ исторїи, и его имя въ исторїи духовной литературы первой половины нашего вѣка безспорно займетъ одно изъ видныхъ мѣстъ.

Александръ Скарлатовичъ Стурдза родился въ г. Яссахъ въ Молдавіи, 18 ноября 1791 года. Вскорѣ послѣ этого времени его родители переселились въ Россію, которая сдѣлалась для него второю родиной. „Смыя переселенцевъ, я не знаю моей родины“,—писалъ впоследствии А. С. Стурдза,— „имѣю о ней понятіе только по воспоминаніямъ моихъ родныхъ. Россія—моя страна, мое отечество; все привязываетъ меня

къ ней: вѣра, служба, привычка и мое сердце“. Въ 1809 году, получившій прекрасное домашнее воспитаніе, Стурдза поступилъ на государственную службу—въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Въ достопамятный двѣнадцатый годъ онъ былъ командированъ на берега Дуная, оттуда двигался назадъ въ составъ западной арміи; послѣ изгнанія „двадесяти языкъ“ оставался нѣкоторое время въ Петербургѣ, а потомъ былъ опредѣленъ въ Вѣну и Парижъ, подъ начальство графа Гаподистринъ, съ которымъ онъ сошелся еще въ 1812 году. Въ 1816 году Стурдза вернулся въ Петербургъ. Въ 1818 году его взял къ себѣ въ вѣдомство министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князь А. Н. Голицынъ, пригласивъ принять участіе въ трудахъ главнаго правленія училищъ, гдѣ членомъ состоялъ, въ числѣ другихъ, и Филаретъ, впоследствии митрополитъ московскій, а тогда еще викарій ревелскій.

Съ ранняго дѣтства Стурдза явился данникомъ вѣяній того благочестиваго настроенія съ мистическимъ оттѣнкомъ, которое господствовало въ нѣкоторыхъ сферахъ высшаго общества одно время въ первой четверти нашего вѣка. Еще будучи едва двадцати лѣтъ, Стурдза написалъ „Опытъ о таинственномъ, служащій введеніемъ къ теоріи о таинственныхъ чувствахъ“; „опытъ“ этотъ не былъ напечатанъ. Черезъ годъ юный Стурдза написалъ новый „опытъ“ — „Объ основныхъ законахъ природы человѣка и общества“. Но скоро онъ съ отвлеченно-философской и мистической точки зрѣнія перешелъ на религіозную почву, и въ 1816 году явились уже, изданныя на французскомъ языкѣ, его „Размышленія о ученіи и духѣ православной Церкви“, принесшія ему благодарственные посланія патріарховъ константинопольскаго (Кирилла) и іерусалимскаго (Поликарпа) и переведенныя на языки нѣмецкій, англійскій и греческій; въ этихъ разсужденіяхъ Стурдза мечтаетъ о „примиреніи между всѣми христіанскими исповѣданіями, разсѣянными по землѣ“, о собраніи „всѣхъ колѣнъ подъ единое знамя креста“ и водвореніи „вездѣ поклоненія духомъ и истинною“. Обстоятельства жизни складывались такъ, что могли только усиловать религіозную настроенность Стурдзы. Въ 1817 году, вскорѣ послѣ брака, умерла его жена; умеръ горячо любимый отецъ, наставникъ его въ духовной жизни;

скончалась нѣжно любимая младшая сестра, съ которою они въ дѣтствѣ вдвоемъ дали обѣщаніе жить только для Бога и для своихъ родителей; къ тридцати годамъ онъ самъ имѣлъ опасность потерять зрѣніе и принужденъ былъ оставить занятія (въ 1822 году) и поселиться сначала въ деревнѣ, гдѣ тотчасъ же устроилъ церковно-народную школу, а потомъ уѣхалъ въ безсрочный отпускъ въ Одессу. Вторая жена его оказалась болѣзненною, требовавшею постоянного лѣченія за границей, и заграничныя путешествія, предпринимаемыя обыкновенно для развлечения, для Стурдзы были покрыты дымкою печали.

Война за освобожденіе Греціи сдѣлала имя Стурдзы можно сказать, извѣстнымъ всему свѣту, какъ организатора и ревностнаго дѣятеля по устройству въ пользу грековъ двухъ сборовъ пожертвованій по всей имперіи. Собранныя деньги пошли частью на содержаніе бѣглецовъ—грековъ, частью на выкупъ плѣнныхъ. Въ 1828 году Стурдза вернулся къ службѣ и былъ посланъ въ Бухарестъ, гдѣ ему дано было особенное полномочіе управлять походною канцеляріею министра иностранныхъ дѣлъ въ продолженіе всей турецкой войны. Онъ трудился въ это время также съ президентомъ освобожденной Греціи, давнимъ своимъ другомъ, графомъ Каподистріей надъ административнымъ преобразованиемъ освобожденныхъ странъ. Но служебная звѣзда Стурдзы уже клонилась къ закату. Огорченный, что не все шло согласно съ его желаніями и взглядами, Стурдза отказался отъ дипломатическаго поприща, не нашелъ сочувствія и въ своемъ прежнемъ вѣдомствѣ—министерствѣ народнаго просвѣщенія: въ 1830 году, съ чномъ тайнаго совѣтника, А. С. Стурдза вышелъ въ отставку, чтобы остальное время своей жизни, по его словамъ, „служить только Богу“. Онъ поселился въ Одессѣ и вмѣстѣ со своею единственною оставшеюся въ живыхъ сестрой Роксоланой, бывшей въ замужествѣ за графомъ Эдлингомъ, занялся дѣлами благотворительности. Въ это время, содѣйствуя одесскому дамскому благотворительному обществу, онъ издалъ два альманаха, въ 1834 году, русскій и французскій—„Приношеніе бѣднымъ“ и „Сборище подаяній“. Въ 1836 году онъ снова предпринялъ поѣздку по Западной Европѣ, подъ предлогомъ посѣщенія своего тестя, нѣмецкаго ученаго врача Христофора

Гуфеланда, который и скончался въ это время. Проѣхавъ по Германіи, Швейцаріи, видѣлся съ многими учеными, провелъ зиму въ Берлинѣ и весною слѣдующаго года вернулся въ Одессу. Здѣсь онъ принималъ дѣятельное участіе въ общественной жизни: былъ депутатомъ чумной комиссіи, душою и вице-президентомъ общества земледѣлія южной Россіи, учредителемъ „Общества исторіи и древностей Новой Россіи“, однимъ изъ основателей одесскаго женскаго архангельскаго монастыря, имѣющаго цѣлю, между прочимъ, воспитаніе дѣвочекъ. Въ 1843 году Стурдза въ послѣдній разъ посѣтилъ родную Молдавію; здѣсь, по порученію своего двоюроднаго брата, молдавскаго владѣтельнаго князя Михаила Стурдзы, онъ преобразовалъ сокольскую семинарію, но скоро разошелся въ возрѣніяхъ со своимъ братомъ и вернулся въ Россію. Въ 1844 году смерть похитила его нѣжно любимую сестру Роксолану, ставшею для него „второю матерью“. Въ слѣдующемъ году умеръ его второй внукъ; смерть эта также очень опечалила его. Тогда же разстроенное здоровье жены заставило его снова предпринять заграничное путешествіе и всю зиму провести въ Италіи. Здѣсь онъ перевелъ на французскій языкъ и издалъ литургію св. Іоанна Златоустаго; также перевелъ нѣсколько поученій извѣстнаго архіепископа херсонскаго Иннокентія на французскій и греческій языкъ и издалъ ихъ въ Монпелье и Лейпцигѣ; вернувшись въ Россію, онъ переводилъ еще нѣкоторыя слова митрополита московскаго Филарета, напечатанныя въ Парижѣ въ 1847 году. Вернулся въ Россію Стурдза въ 1847 году и уже не покидалъ ее до самой смерти. Онъ проживалъ большею частью въ Одессѣ, изрѣдка отъѣзжая на свою дачу, на берегу моря, или въ свое имѣніе въ Бессарабіи, или, наконецъ, въ имѣніе своей дочери. Съ 1848 года онъ всѣ свои силы посвятилъ учрежденію въ Одессѣ первой въ Россіи общины сестеръ милосердія, которая и была открыта въ 1850 году, 21 ноября.

Годы и болѣзни брали свое; тѣло отягощалось немощами; болѣзненный организмъ разрушался; но свѣтлый духъ достопочтеннаго человѣка бодро горѣлъ, не зная усталости. „Ахъ, какъ тягостно духу человѣка обитать при увяданіи жизни, въ развалинахъ этого брэннаго тѣла!“—говорилъ угасавшій въ тѣлѣ

старецъ своей дочери. Давно ожидавшій кончины, давно къ ней готовившійся, А. С. Стурдза скончался въ Манзирѣ, въ Бессарабіи, 13 іюня 1854 года, когда въ неудачахъ нашей турецкой войны и, пока легкихъ еще, бомбардировкахъ непріятельскимъ флотомъ Одессы, слышался уже печальный похоронный звонъ самымъ завѣтнымъ мечтаніямъ его о побѣдѣ креста надъ полумѣсяцемъ. За шесть дней до кончины, Стурдзу поразилъ нервическій ударъ, отнявшій у него всю лѣвую половину тѣла и лишившій способности говорить и узнавать. По времени отхода его души въ вѣчность, лицо его просвѣтлѣло, спокойствіе разлилось во всѣхъ чертахъ, и дѣятельная, достойная жизнь тихо угасла. Душа *непостыдно и мирно* разсталась съ браннымъ тѣломъ и съ спокойствіемъ необманываемой надежды, питаемой вѣрою, ушла съ *добрымъ отвѣтомъ къ страшному судищу Христову*.

Въ печатаемыхъ ниже письмахъ Стурдзы къ С. Д. Печаеву рассыпано не мало цѣнныхъ и отчасти новыхъ указаній какъ автобіографическаго свойства, такъ и о разныхъ событіяхъ того времени, не мало также цѣнныхъ сужденій по разнымъ вопросамъ духовнаго характера: о духовной цензурѣ, о нищихъ, о противникахъ Церкви, о монашествѣ, объ иновѣрной миссіи.

Мы не знаемъ, когда началось знакомство А. С. Стурдзы съ С. Д. Печаевымъ. Можно по нѣкоторымъ даннымъ судить, что это знакомство началось при посредствѣ жены Степана Дмитриевича Софьи Сергѣевны, урожденной Мальцовой. Изъ сохранившихся въ бумагахъ Печаева писемъ къ нему Стурдзы въ самому раннему времени относится слѣдующая

Записка.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Стурдза писалъ къ князю Александру Николаевичу ¹⁾ и къ Степану Дмитриевичу о духовной пользѣ, могущей произойти отъ распространенія въ Россіи, между греками, журнала, издаваемаго въ Аѳинахъ, подъ заглавіе *„Евангельская Труба“*. Издатель онаго, іеромонахъ и проповѣдникъ Германъ, ободренный побужденіями къ сему богоугол-

¹⁾ Голицыну.

ному предпріятію находящагося при русскомъ посольствѣ архимандрита Ирнарха ¹⁾), вступилъ въ борьбу съ злоумышлящими и

¹⁾ Русская духовная миссія въ Аеннахъ, въ составъ архимандрита, іеродіакона, двухъ церковниковъ и 8 пѣвчихъ, учреждена по волю императора Николая I въ 1833 году. Начальникъ миссіи былъ избранъ самимъ государемъ, архимандритъ Ирнархъ, 47 лѣтъ, происходившій изъ духовнаго званія, магистръ петербургской духовной академіи, съ 1817 года нѣкоторое время состоявшій инспекторомъ орловской семинаріи, въ 1819 году, въ званіи іеромонаха, отправленный въ Италію, въ качествѣ капеллана, къ маркизѣ Терци, урожденной княжнѣ Голицыной, а въ 1824 году, въ томъ-же качествѣ, опредѣленный къ императорскимъ посольствамъ во Флоренци и Римъ, въ 1831 году вернувшійся въ Россію, гдѣ оныя получалъ тотчасъ же настоятельство въ первоклассномъ толгскомъ монастырѣ, ярославской епархіи, и теперь бытъ въ Петербургъ, выданный на чреду священнослуженія Іеродіакону и церковниковъ выбранъ Св. Синодъ, по рекомендаціи петербургскаго митрополита Сергія, изъ Александро-Невской лавры: іеродіаконъ Парсена и послушниковъ Аѳанасія Каченева и Федора Богданова, 22 и 19 лѣтъ. Съ пѣвчими вышло было небольшое затрудненіе: два баса, изъ семинаріи, Василій Зриловъ и Василій Орловъ, два тенора, изъ семинаріи же, Александръ Кородумовъ и изъ петропавловскаго уѣзднаго училища Михаилъ Зриловъ, и два альты, изъ училища, Семень Ивановъ и Иванъ Орловъ, были найдены безъ труда, а дискантовъ годныхъ нигдѣ не оказывалось къ отпуску безъ ущерба для хоровъ; наконецъ, были найдены и два дисканта—въ училищѣ Левъ Семеновъ и въ хорѣ Казанскаго собора Дмитрій Братолобовъ. Пѣвчие предварительно были испробованы въ своихъ способностяхъ и свойствахъ своего голоса митрополитскимъ регентомъ Качановскимъ, и многие забракованы изъ желавшихъ отправиться въ Аѳины. По поводу недостатка въ дискантахъ, консисторія свосила съ азіатскимъ департаментомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, что такъ какъ въ высочайшемъ повелѣніи не сказано, какихъ именно голосовъ должны быть пѣвчіе, то нельзя ли ограничиться однимъ «большимъ», такъ какъ дискантовъ найти трудно, и эти голоса не могутъ быть благонадежны, ибо отъ дороги и перемѣннаго климата могутъ перемѣниться». Департаментъ отвѣтилъ, что «государю императору благоугодно было повелѣть соблюсти все должное приличіе и благозвучіе по церкви», а «о составѣ хора пѣвчихъ департаментъ не можетъ изложить никакого мнѣнія». Басамъ Леоны пришлось по врагу, а оба альты и дисканта и одинъ теноръ отправлены были въ августѣ 1835 года въ Аѳины новые, такъ какъ прежніе пятеро, «спадши съ голоса», были возвращены въ Россію.

Объ учрежденіи нашей духовной миссіи въ Аеннахъ см. статью свящ. В. П. Змакина «Основаніе русской духовной миссіи въ Аеннахъ» въ «Христіанскомъ Читаніи», 1893 г., V, стр. 343—351. Къ сказанному въ этой статьѣ, къ слову сказать весьма интересной, мы можемъ прибавить свидѣніе изъ дѣла архива Св. Синода 1833 г. № 197 (44) объ учрежденіи въ Аеннахъ русской церковной школы. Посланныкъ нашъ въ Греціи, «принимая во уваженіе, что праздность вовлекаетъ часто молодыхъ людей въ пороки», поручилъ прибывшему вмѣстѣ съ архимандритомъ Ирнархомъ іеродіакону Парсению «учредить классъ, въ которомъ четыре часа въ день молодые пѣвчіе должны обучаться: 1) священной исторіи Ветхаго и Новаго заветъ, 2) катехизису, 3) русской грамматики, 4) арифметики, 5) чистописанію и громкозвучному чтенію цер-

чрезъ него же просилъ объ открытіи въ киной Россіи подписки въ полученіе начатаго имъ періодическаго изданія. Въ С.-Петербургѣ предположено выписать оное сперва для Св. Синода, и, по одобреніи, со временемъ, разослать къ подписавшимся, каковыхъ въ одномъ нашемъ городѣ ¹⁾ нашлось болѣе сорока человѣкъ. Въ Таганрогѣ изъявляютъ равное желаніе подписаться если только правительство разрѣшитъ полученіе „Евангельской Трубы“. Но дѣло сіе, неизвѣстно почему, остановилось. Издатель, зная Стурдзу только по слухамъ, пишетъ къ нему отъ 15-го сентября, что онъ 35 вышеданныхъ номеровъ журнала отправилъ на разсмотрѣніе Св. Синода; Стурдзѣ же посылаетъ 35-ый номеръ, вмѣщающій какое-то письмо Стурдзы, писанное въ 1826 году къ архіепископу афонскому Неофиту, и въ которомъ предсказаны были соблазны и бѣдствія, постигшія съ 1832 года греческую помѣстную церковь. Кромѣ того, взглянувъ бѣгло на этотъ номеръ, конфискованный карантинномъ и цензурою, Стурдза увѣрился въ похвальномъ, ревностномъ стремленіи издателя защищать права и священныя преданія православія отъ явнѣхъ нападеній пресвитеріанской шайки, явно и публично отвергающей въ тамошнихъ газетахъ епископскій санъ и священноначаліе Церкви. Теперь спрашивается: должна ли сія отчаянная борьба съ навѣтниками православія оставаться для насъ чуждою? Не достоинъ ли единоборецъ духовный, іеромонахъ Германъ, поощренія и участія со стороны Россіи православною? Не уважительно ли въ семъ отношеніи мнѣніе графа А. Г. Строганова, лично познакомившаго въ Аѣнахъ съ издателемъ „Евангельской Трубы“? Если на сіи вопросы ревности нелицемѣрной послѣдуетъ отвѣтъ, уповательно, не отрицательный, то не угодно ли будетъ правительству разрѣшить выпускъ „Евангельской Трубы“ прямо моремъ въ Одессу, съ тѣмъ чтобы листы отсылаемы были предварительно къ архимандриту Порфирію ²⁾, для разсмотрѣнія по правиламъ духовной цензуры. Обширныя богословскія свѣдѣнія Порфирія и совершенное знаніе новогреческаго языка ручаются

ковныхъ книгъ. О. Пареній былъ родомъ великороссіянинъ, 37 лѣтъ, обучался въ каргопольскомъ уѣздномъ училищѣ, принялъ монашество въ 1828 году.— Архимандритъ Принархъ тяготился службой въ Аѣнахъ (дѣло архива Св. синода, 1833 г., № 1037) и въ 1836 году былъ возвращенъ въ Россію. Скончался онъ въ 1867 году архіепископомъ рязанскимъ. Извѣстенъ, какъ проповѣдникъ.

¹⁾ Т. е. въ Одессѣ.

²⁾ Успенскому.

за благонадежность такого распоряженія. Иначе подписчики откажутся отъ содѣйствія, издатель замолкнетъ, и методисты, заѣхавшіе въ Грецію, безъ сопротивленія довершатъ начатый ими подвигъ совращенія православныхъ въ греческомъ королевствѣ.

А. Стурдза.

Одесса, 28-го октября 1835 г.

Оживленныя сношенія Стурдзы съ Нечаевымъ начались уже позднѣе и относятся ко времени проживанія Степана Дмитриевича въ Москвѣ, въ званіи сенатора.

Милостивый государь,

Степанъ Дмитриевичъ.

За доставленіе устава общества для призрѣнія просвѣщенныхъ милостыни ¹⁾, спѣшу изъяснить вашему превосходительству сердечную мою благодарность. Это для меня лестный признакъ вашего благосклоннаго обо мнѣ воспоминанія. Признаюсь: я давно, очень давно собираюсь писать къ вамъ; много времени упустилъ и, наконецъ, мною овладѣло чувство, которое французы называли *fausse honte*. Но спасибо вамъ; вы нежданно вѣстію и посылкою вдругъ разрѣшили мое недоумѣніе, рѣшили борьбу съ самимъ собою. Не все умѣютъ какъ вы, м. г. Степанъ Дмитриевичъ, вымещать избытокъ христіанской дѣятельности на бѣдныхъ и страждущихъ, печаль о томъ, что не возвратимо въ долѣнемъ мірѣ, освящать благотвореніями во имя Давшаго и Отъязваго. — однимъ словомъ досуги наполнять не громкими, но спасительными подвигами. Только — Христа ради — запрещаю тунеядцамъ христараничать притворно, не дѣлайте нищимъ совершенными невидимками. Повѣрьте, что безъ встрѣчи съ ними сердца счастливыхъ и безпечныхъ сыновъ вѣка такъ одоубѣютъ, что послѣ нищѣмъ ихъ не смягчишь. Сестра ²⁾ пишетъ къ намъ уже изъ Дюриха, сердце осталось дома, но умъ ея занятъ обиліемъ внѣшнихъ предметовъ и впечатлѣній. Она вездѣ посѣщаетъ, между прочимъ, женскіе монастыри, особенно тѣ, которыя обречены дѣламъ милосердія, чтобы для предполагаемой у насъ здѣсь женской обители накопить много опытовъ и полезныхъ свѣдѣній.

Кстати, о монастырѣ ³⁾ я доложу вамъ, что Св. Синодъ

¹⁾ С. Д. Нечаевъ состоялъ президентомъ этого общества.

²⁾ Графиня Эдлингъ.

³⁾ Архангело-михайловскій женскій монастырь въ Одессѣ съ первымъ въ Россіи училищемъ для дѣвицъ духовнаго званія, преимущественно сиротъ, за-

одобрить мысль нашего преосвященнаго Гавріила ¹⁾, а князь А. Н. Голицынъ и Т. Б. Потемкина взялись за сборъ добротныхъ подаваній. Мы здѣсь собрали болѣе 20,000 рублей, въ томъ числѣ 5,000 присланныхъ графинею Орловой. Но Е. Вл. Новосильцова еще не отозвалась на убѣдительное къ ней письмо нашего добраго, боголюбиваго іерарха. Не позволите ли намъ прислать книгу для сбора подъ вашимъ руководствомъ въ столицѣ русскаго православія? Это позволеніе ручалось бы за усилье...

Извините мою докучливость; лишь вспомяну бывшее и незабвенную Софію Сергѣевну ²⁾, мнѣ кажется, что я пишу къ родному, отъ котораго не можетъ быть отказа. Съ тѣхъ поръ какъ ее не стало *здѣсь*, много, очень много отозвано изъ среды нашей любимыхъ сердцу, единомыслящихъ. *Ходите, дондеже свѣтъ имате*; и невольно тороплюсь хотя малымъ чѣмъ послужить Господу жатвы, собираемой ангеломъ смерти.

Люблю также мыслить вслухъ, писать отъ души и о душѣ. Не говоря о прежнихъ моихъ неудачахъ, и теперь въ московской духовной цензурѣ лежитъ рукопись моя подъ заглавіемъ: *Письма о должностяхъ священнаго сана. Часть первая*. Но подсудимость моя дается уже пять мѣсяцевъ, А. Н. Муравьевъ, которому я поручилъ было отстоять ее въ цензурѣ, отослалъ въ Москву. Нѣтъ ли у васъ знакомыхъ въ числѣ цензоровъ? И не гдѣбаете ли мнѣ, ваше превосходительство, одолженія разузнать, зачѣмъ дѣло стало, и меня увѣдомить. Тѣмъ болѣе медленность удивляетъ меня, что преосвященный Филаретъ ³⁾ предварительно прочелъ книгу и одобрилъ ее, сколько мнѣ извѣстно. Впрочемъ, воля Божія и святительская да совершится. Но тяжело трудиться безъ дѣла.

Позвольте заключить слишкомъ длинное письмо увѣреніемъ въ отличномъ почтеніи и сердечной преданности вашему превосходительству покорнѣйшаго слуги А. *Стурдзы*.

Одесса, 10-го ноября 1839 г.

ложень 31 мая 1842 года, открытъ 9 мая 1844 года. — Святи. С. Петровскій, «Семь херсонскихъ архіепископовъ», Одесса, 1891. Стр. 18.

¹⁾ Розанова, перваго одесскаго архіерея, съ 9 мая 1837 г. по 1 марта 1848 г.

²⁾ Супруга С. Д. Нечаева, урожденная Мальцова.

³⁾ Митрополитъ московскій Его отзываетъ о «Письмахъ» см. въ III томѣ «Собранія мѣвній и отзываетъ м. Филарета», стр. 3—10.

Милостивый государь,

Степанъ Дмитріевичъ.

Представляя вашему превосходительству чрезъ посредство Ѳ. М. Гамалѣя 61 экземпляръ письма моего *о московскомъ обществѣ призрѣніи просящихъ милостыни*, помѣщенного въ номерахъ 23 и 24 „Одесскаго Вѣстника“, я крайне жалѣю, что поздно узналъ о желаніи вашемъ имѣть до 200 оттисковъ этого письма. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, то и посылаемъ.

Подвигъ вашъ, почтеннѣйшій Степанъ Дмитріевичъ, и святъ, и великъ, и уголенъ Господу и совершившейся рабѣ Христовой по сердцу—наче всѣхъ нашихъ разглагольствій!

Еще мало, и мы почіемъ отъ трудовъ и некушеній своихъ. Изъ глубины сердца желаю вамъ и *временнаго* воздаянія, я разумѣю: здоровья и преуспѣянія милыхъ дѣтей вашихъ.

Въ надеждѣ и упованіи на вашу христіанскую снисходительность, я осмѣлился, не испросивъ на то предварительнаго согласія, приложить здѣсь отношеніе мое въ духовную цензуру Троицкой лавры, о возвращеніи мнѣ рукописи, наконецъ, пропущенной Св. Синодомъ, но которая опять отправлена въ Москву для приложенія печати и подписи.

А. Н. Муравьевъ, чрезъ котораго дѣло шло, пишетъ ко мнѣ отъ 17-го марта, что книга, наконецъ, одобрена къ изданію и отправлена въ Москву, откуда я могу ее получить, безъ дальнѣйшихъ затрудненій. Чувствительно одолжите изволите смилостивиться издателя, если возьметесь истребовать эту рукопись изъ духовной цензуры, и ко мнѣ по почтѣ доставить. Предстательство ваше въ настоящемъ случаѣ я почту особеннымъ для себя благодареніемъ. Что-жъ касается *письма о монашествѣ*¹⁾, теперь можно бы отложить изданіе сего отрывка, которому, со временемъ, суждено войти въ составъ второй части *Писемъ о должностяхъ священнаго сана*.

Зато мнѣ крайне хотѣлось бы знать: куда отправить IV книгу сихъ Писемъ—о *проповѣди слова Божія*: въ московскій ли цензурный комитетъ, или въ Синодъ? Ежели бы, разсмотрѣвъ, пропустили эту IV книгу, то 1-я часть моего труда была бы полнѣе; а три послѣднія книги, еще не составленныя, оставались бы удѣломъ второй части. *Спросъ*, кажется, *не бѣда*; между тѣмъ

¹⁾ См. о немъ въ «Письмахъ аскета». «Хр. Чт.», 1895 г., сужденіе архимандрита Игнатія (Брянчанинова).

я займусь изданіемъ одобренныхъ Писемъ. IV-ая книга уже готова, но не переписана на бѣло.

Въ нетерпѣливомъ ожиданіи благосклоннаго отвѣта, имѣю честь быть съ душевнымъ уваженіемъ и неліцемерною преданностію, милостивый государь, вашего превосходительства покорѣннѣйшимъ слугою *Александръ Стурдза*.

Одесса, 29-го марта 1840 г.

Во истинну воскрес!

Милостивый государь,

Степанъ Дмитріевичъ.

Взаимно привѣтствуя радостнымъ привѣтомъ христіанъ, до самаго дня Вознесенія нашего Господа, я вмѣстѣ приношу вамъ дань сердечной благодарности за письмо ваше отъ 20-го апрѣля и *Разказы о бѣдныхъ* ¹⁾). Порученіе ваше къ Феодору Михайловичу ²⁾ я въ точности исполнилъ. Больно слышать, что милыя дѣти ваши такъ жестоко и упорно страдаютъ отъ кашля. Всѣмъ сердцемъ молю Бога: да сотворитъ скоро со искушеніемъ и избытіе! Почти въ тотъ же день, съ письмомъ вашимъ, получилъ я, изъ Петербурга, обратно и мою рукопись 1-го тома *Писемъ о должностяхъ священнаго сана*. А. Н. Муравьевъ прислалъ мнѣ и письмо къ нему о Феодора Голубинскаго, моего цензора, и совѣтовалъ 4-ю книгу прямо къ нему отправить. Но она уже пошла къ Муравьеву, который, безъ сомнѣнія, переслалъ ее къ Голубинскому по принадлежности. беру смѣлость включить письмо отъ себя къ почтенному и благонамѣренному судіи моему, прося разсмотрѣть послѣднюю книгу и мнѣ ее доставить во-время, я разумѣю къ первымъ числамъ іюля, когда наборъ трехъ предъидущихъ книгъ, уповательно, будетъ оконченъ.

Теперь позвольте надѣяться, что вы, не сердясь на мою мелочную докучливость, благоволите отослать письмо мое къ цензору. Въ Москвѣ ли онъ, или въ лаврѣ, вотъ чего я не знаю, и потому не написалъ прямо къ нему.

Выслушайте же снисходительно и отвѣтъ мой на вопросъ и недоумѣніе справедливое, зоркое, которымъ вы, почтеннѣйшій Степанъ Дмитріевичъ, сперва озадачили, но и одолжили меня.

По устроенію и волѣ Боліей я началъ свое умственное поприще книгою, написанною въ защиту церкви отъ іезуитскихъ

¹⁾ Издаваемые въ пользу комитета о просвѣдшихъ милостыни.

²⁾ Гамалѣю.

наѣтовъ въ 1817-чѣ году. Это незрѣлое, но многими любимое сочиненіе моеи молодости: *Considerations sur la doctrine et l'esprit de l'Eglise Orthodoxe*. Въ послѣдствіи я дѣйствовала перомъ въ сферѣ богѣ политической, обличалъ гибельное направлеше германскихъ университетовъ, издалъ въ письмахъ апологію единовѣрцевъ нашихъ, возставшихъ на Турцію, и, наконецъ, въ 1828-мъ году написалъ книгу собственно назидательную и огласительную, подъ заглавіемъ: „Ручная книга православнаго христіанина“. Ее читають въ греческомъ подлинникѣ и въ переводахъ русскомъ и молдавскомъ добрые, простодушные христіане. Мнѣ же, замѣчая съ глубокимъ прискорбіемъ, съ одной стороны въ юныхъ lévitesъ безжизненные и тусклые понятія о подвигахъ священника, съ другой, въ толцѣ образованныхъ и многоресничныхъ мірянъ, опасное, *кальвинское* стремленіе къ мечтательному освещенію — *мимо св. Церкви*, читая ежедневно брошюры и переводы, которые всѣ *учатъ* гибельному искусству *обходиться безъ Церкви* въ дѣлѣ спасенія, безъ таинствъ и дѣятельнаго послушанія духовнаго, — я почелъ долгомъ кончъ противудѣйствовать общему обаянію, не смотря на скудость ума и силъ моихъ. Вотъ что побудило меня заняться настоящимъ издашемъ *Писемъ*; и глубокое, зрѣлое убѣжденіе сіе заставило меня преслѣдовать одну и ту же благую цѣль, даже до послѣдняго изданія. Обаяше, о которомъ я выше намекнулъ, видѣше мнѣ, потому что я вблизи наблюдаю гоненія на Церковь, воздвигаемыя на Востокѣ шайкомиссіонеромъ, присѣняемымъ Англією и адомъ. Остервенѣніе этихъ изувровъ-наемниковъ превышаетъ всякое вѣроятіе. Впрочемъ, я долженъ признаться, что указанія и предметы, вами мнѣ заданные, отгубно хороши, существенны, увлекательны. Въ противникахъ Церкви замѣтно какое-то превосходное религіозное чутье. Они статей моихъ нигдѣ не принимаютъ, и вообще тамъ, гдѣ они не смѣють дѣйствовать явно (какъ то, увы! происходитъ на Востокѣ), эти господа нашли средство подрывать не тѣмъ, что пишутъ, а тѣмъ, что умалчиваютъ. И у насъ нецальновидные благочестивцы легко впадаютъ въ цвѣтистую сѣть; потому что со стороны пастырей мало наѣтывалъ отпора и добрымъ душамъ предостереженія. Наконецъ, доколѣ питомцы духовныхъ заведеній не возымѣють высокаго, свѣтло-теплага понятія о своемъ званіи, — до тѣхъ поръ простой народъ нашъ останется въ тяжкомъ невѣдѣніи, на произволъ грубымъ и тонкимъ расколамъ. Я высказалъ вамъ всѣ мысли свои, но вамъ одному. — Почтите меня увѣдомленіемъ и привѣтомъ. — Преданный вамъ

10-го мая 1840 г.

А. Стурдза.

Прюгъ близъ Одессы, 21-го Іюня 1840-го года

Съ лишнимъ три недѣли прожилъ я въ столицѣ Бессарабіи, почтеннѣйшій Степанъ Дмитріевичъ; участвовалъ въ областныхъ выборахъ по долгу помѣщика—избирателя, или, точнѣе, не участвовалъ, вмѣстѣ съ благомыслящею частію дворянъ, которыхъ явныя и гнусныя нарушенія закона заставили подать протестъ противъ незаконныхъ дѣйствій тамошняго областного предводителя. Вѣсѣрь послѣ возвращенія моего въ мой домъ дошло ко мнѣ письмо вашего превосходительства отъ 6-го іюня, богатое мыслями, чувствами, утѣшеніемъ, сопровождаемое прекрасными разсказами о *блѣдныхъ*. Изъ нихъ нѣкоторые пзяцкою своею простотою тронули меня *до слезъ*, нельзя прочесть ихъ безъ умиленія, и я поставлю себѣ долгомъ познакомиться съ ними многихъ. За отправленіе письма моего къ о. Голубинскому благодарю всеусердно. Съ тѣхъ поръ наборъ и печатаніе 3-хъ книгъ *Писемъ о должностяхъ священнаго сана* быстро подвигается впередъ. Къ первымъ члеламъ іюля эта часть труда моего будетъ отпущена. Но IV книга, о *проповѣданіи слова Божія*, еще въ цензурѣ; а безъ нея невозможно вынустить въ свѣтъ первого тома. А. Н. Муравьевъ послѣднюю рукопись мою отправилъ въ Москву къ Голубинскому чрезъ посредство митрополита Филарета, уѣзжавшаго тогда въ свою епархію. Голецъ нескорый и озабоченный множествомъ дѣлъ, особливо въ настоящее скорѣное и голодное время. Боясь остановки, которая могла бы все разстроить, я десять дней тому какъ написалъ просительное и убѣждающее письмо его высокопреосвященству и второе письмо къ цензору; не умѣлъ я надписать *отъ Сергіевскій Посадъ*: адресовалъ *отъ Москву при духовной академіи*. Теперь что остается сдѣлать мнѣ? Развѣ опять докучать вамъ? Явите божескую милость, какъ говорятъ въ простомъ народѣ, напишите нѣсколько строчекъ Голубинскому и, при случаѣ, скажите слово высокопреосвященному. IV-я книга ничего затруднительнаго въ себѣ не заключаетъ. А такъ какъ предъидущія 14 мѣсяцевъ лежали въ горнилѣ испытанія, то смѣю надѣяться, что IV-ую, въ замѣнъ, прочтутъ скоро и благословятъ, исправивъ мелочи, какъ имъ угодно. Ужъ право нашему духовенству не меня бы слѣловало грушнаго, но усерднаго, пасти *жезломъ* да *палицею!* Я точно прошу возможнаго—нетруднаго. По крайней мѣрѣ пусть узнаю, около какого времени дожждаться могу своей рукописи. Здѣсь типографія *одна*, свободна лишь до августа отъ такъ называемыхъ казенныхъ и городскихъ занятій. Если дѣло промедлитъ до августа,

жди весны, и прифгть иступитъ. Если цензоръ предложить вашему превосходительству принять на себя обратное доставленіе въ Одессу труда моего, то благоволите не отказать ему въ этомъ. Авось рука ваша поможетъ мнѣ, потому что ея управляетъ сердце!.. Замѣчанія почтеннаго инока¹⁾ и ваши собственныя я постараюсь себѣ усвоить, и придамъ болѣе ясности размышленіямъ о монашествѣ, которыя должны войти въ составъ II тома моихъ «Писемъ». Я говорю *болѣе ясности* въ изложеніи, потому что и я не приписываю начала иноческой жизни однимъ *гоненіямъ*, но и *соблазнамъ* міра. Что св. Предтеча и дивный Ілія пророкъ суть образцы истиннаго подвижничества, въ томъ сомнѣнія нѣтъ и спора быть не можетъ. Цѣль моя была: разсѣять и опровергнуть общія предубѣжденія противъ монашества, и благовидныя и неосповательныя, показавъ *умственные* начала сего учрежденія, въ христіанствѣ необходимаго. Вотъ почему держался я преимущественно *логической* нити, а не одной *исторической*. Тесеп конечно вели жизнь подвижническую; но у нихъ созерцаніе поглощало дѣятельную любовь — признакъ *христоводобія*. Справедливо другъ вашъ замѣтилъ, что въ первые вѣки не было надобности въ отшельникахъ. Но и я, кажется, выразилъ ту же мысль, сказавъ: *совершенно здравый*, равно какъ и *отчаянно больной*, не нуждаются въ лѣкарствахъ. Св. Макарія и Иоанна Лѣтвичника читалъ я нѣкогда прилежно; со вѣмъ тѣмъ я послѣдую благому совѣту и опять стану читать ихъ. Не забудемъ однакожь, что возраженія и софизмы нашего вѣка противъ самопожертвованія — не тѣ, что были прежде. Духъ злобы тотъ же да приемы и уловки его приспособлены къ господствующимъ обаяніямъ самодовольнаго просвѣщенія. Впрочемъ, причѣмъ многострадальнаго Востока, гдѣ шайка миссіонеровъ подъ щитомъ Англіи и самая Англія неистовствуютъ и гнетутъ монашество съ неимовѣрнымъ ожесточеніемъ, жалкое положеніе многихъ нашихъ обитателей, оскудѣніе всякой ревности, бездѣйствіе мисіи, шатавіе расколовъ, гладь хлѣба духовнаго и насущнаго, духъ касты, ничѣмъ необновляемой отвѣтъ, и плачевная у насъ участь сиротокъ духовнаго званія, т. е. будущихъ супруговъ и матерей нашихъ левитовъ (онѣ-то и подали мысль о женскомъ монастырѣ для воспитанія близъ Одессы): вотъ предметы, тѣсно сопряженные съ идеаломъ благоустроеннаго иноческаго житія, о которомъ размышлять не бесполезно.

Простите, порадуйте меня отвѣтомъ.

Вамъ душевно преданный слуга А. Стурдза.

¹⁾ Игнатія (Брянчанинова), о нихъ упоминаютъ равнѣ.

Цензура, очевидно, была большимъ мѣстомъ Стурдзы, да вѣроятно и не для него одного въ то время, судя по остроумному замѣчанію архимандрита Игнатія (Брянчанянова), что „книги умѣренной пользы, въ особенности же пустыя и даже вредныя, свободны отъ тѣхъ разсматриваній, продолжительныхъ и многообразныхъ, коимъ подвергаются у насъ книги существенно полезныя“¹⁾. 8 іюня 1840 года Стурдза изъ Одессы опять писалъ:

Слова бью челомъ о моей рукописи. Я пришелъ уже за корректуру послѣдняго листа, извѣщая объ этомъ о. Θ. Голубинскаго *четвертымъ* письмомъ, и молчаніе его толкую въ свою пользу. Я кромѣ того писалъ и къ митрополиту, и къ Муравьеву. Отвѣта же надѣюсь и помощи чаю — отъ васъ. Знаю, что настало время тѣское, что у васъ все озабочено нуждами бѣднаго народа. Однакожь дѣла текутъ, и каждому *подобаетъ плати*, дондеже свѣтъ *имать*. Неужели цензоръ и вашему превосходительству не отвѣчаетъ?..

Здѣсь мы истеваемъ отъ жаровъ. Призри, Господи, на мать—Россію и людей православныхъ.

Въ августѣ былъ напечатанъ первый томъ „Писемъ о должностяхъ священнаго сана“, и Стурдза поспѣшилъ отправить въ началѣ сентября чрезъ Θ. М. Гамалѣя два экземпляра этой книги въ Москву для врученія С. Д. Нечаеву и митрополиту Филарету. Въ письмѣ отъ 24 ноября, изъ Одессы, онъ спрашивается, дошли ли книги по назначенію.

Не зная, дошли ли эти книги по назначенію, рѣшился я обратиться къ вамъ непосредственно съ вопросомъ объ участи начатковъ труда моего, и митрополиту и вамъ представленнымъ по внушенію благодарнаго сердца. Итакъ, разрѣшите сомнѣнія мои хоть двумя строчками.

Усердный трудъ мой Господь видимо благословляетъ: іерархи наши отвсюду выписываютъ „Письма о должностяхъ священнаго сана“ и ревностно распространяють чтеніе оныхъ по своимъ паствамъ. Около половины изданія ужъ разобрали. Вы знаете, почтеннѣйшій Степанъ Дмитриевичъ, что наше дѣло смертное *святъ* и *поливать*; растетъ и плодъ во власти единого Бога, возра-

¹⁾ «Хр. Чит.», май—іюнь 1895 г. «Письма аскета», письмо 17 янв. 1842 г.

щающаго посвященнаго нами. Теперь я занимаюсь вторымъ томомъ, стараюсь сочиненіе окончить въ теченіе нынѣшней зимы“.

Возвышенныя размышленія скоро, однако, опять смѣнились въ письмѣ заботой о сбытѣ книги. Стурдза пишетъ, что онъ послалъ въ сентябрѣ чрезъ контору извозовъ „на долгихъ“ въ Москву книгопродавцу Ширяеву 50 экземпляровъ, но извѣстія о полученіи ихъ не получилъ. Проситъ послать справиться въ лавкѣ.

„Вы видите, что я по старому обыкновенію докучливъ, все тотъ же. Тотъ же, впрочемъ, и по чувству сердечнаго уваженія къ вамъ“.

„Сестра съ августа мѣсяца опять съ нами здѣсь, въ кругу домашнемъ, послѣ долгаго отсутствія, которое однакожь подѣйствовало на ея здоровье самымъ благодѣтельнымъ образомъ“.

„Удостоите прочтенія *письма* мною изданныя и примите увѣренія въ постоянномъ почитаніи и преданности“.

Милостивый государь,

Степанъ Дмитриевичъ.

Хоть поздно, да въ добрый часъ пожаловало письмо вашего превосходительства отъ 10-го апрѣля съ приложеніями, равно изящными и назидательными. Беседа на текстъ, глубокой и прекрасный, мнѣ очень понравилась; а стихи Глинки, какъ всё произведенія его, согрѣты неподдѣльнымъ чувствомъ. Зная, сколько вы заняты, обременены заботами по службѣ отечеству и святому милующему Провидѣнію, я бы не рѣшился такъ непосредственно, т. е. такъ нескромно посѣпить отвѣтомъ, если бъ не имѣлъ просьбы къ вамъ и вмѣстѣ свѣдѣнія, могущаго пригодиться Обществу призрѣнія просящихъ милостыни. Начну съ этого свѣдѣнія. Сколько намъ ни совѣстно, что мы о сію пору не могли ничѣмъ содѣйствовать вашему боголюбезному подвигу, но дѣлать было нечего: потому что злополучіе, особливо въ настоящія времена лютыя, вездѣ дома, вездѣ незванный и неотразимый гость. Недавно, городъ сосѣдній, Елисаветградъ, жестоко потерпѣлъ отъ наводненія; Ингуль разлился, выступилъ изъ береговъ, въ ночь съ великаго четвертка на великій пятокъ и снесъ цѣлое предметъ. Много погибло людей, затопленныхъ водою или унесенныхъ льдинами. Для нихъ здѣсь родилась мысль, между прочимъ, произвести сборъ въ храмъ Вожіемъ. 20-го апрѣля, въ

воскресенье, пресвященныи ¹⁾ отслужилъ итургію въ соборной церкви; другъ Порфирій о. Михаилъ Павловскій произнесъ умиленное воззваніе къ христіанамъ, и въ полчаса, въ стѣнахъ Божія дома, собрано не менѣе 3,000 руб. Выслушавъ проповѣдника, многіе уцѣпили дааніе; дамы снимали съ себя ожерелья, — однимъ словомъ, сила вѣры и убѣжденія изъ устъ матери—Церкви выказала себя во славу имени Христова! Что, если бы это дѣлалось иногда въ главныхъ церквахъ благочестивой Москвы, въ пользу общества, вами одушевляемаго? Я увѣренъ, что по меньшей мѣрѣ подобныя воззванія доставляли бы вамъ ежегодно тысячъ двадцать и болѣе.

Примите благосклонно совѣтъ мой, опытомъ оправдываемый, вопреки сомнѣнію многихъ, которымъ это казалось повизною ненадежною.

Перехожу къ челобитнѣ. Первая часть *Писемъ* моихъ, я вижу, заслужила волиѣ ваше лестное и ободряющее одобреніе. Нельзя ли, почтеннѣйшій Степанъ Дмитріевичъ, помочь издателю, недоумѣвающему объ участи второго и послѣдняго тома? Съ наступленіемъ года, т. е. 1-го января, отправилъ я въ московскую духовную цензуру V и VI книгу этихъ *Писемъ*, при убѣдительномъ письмѣ къ о. Ѳ. Годубинскому, 13-го февраля послалъ я къ нему же VII и послѣднюю книгу, которою означивается II-й томъ. Наконецъ, 22 марта я написалъ къ нему въ третий разъ, запрашивая: могу ли надѣяться на полученіе своей рукописи къ маю мѣсяцу? Послана-ли она опять въ Петербургъ, или же разсматривается въ Москвѣ? Миѣ нужно знать то и другое: ибо единственная въ Одессѣ типографія свободна бываетъ отъ казенныхъ работъ только лѣтомъ. Уйдетъ оно.—тогда поневолѣ печатай внѣ Одессы. Если-жъ рукопись моя отправлена въ Синодъ и, вѣроятно, передана м. Филарету, то миѣ подобно будетъ писать туда, напоминать, кланяться, потому что сановникамъ, озабоченнымъ дѣлами всецѣлой Церкви россійской, не до моей книги. А смерть у дверей: хотѣлось бы довершить начатое. Слышу, что почтенный о. Годубинскій овдовѣлъ, — слѣдетвенно въ горнилѣ скорби душевной; не смѣю въ 4-й разъ спрашивать и съ дерзновеніемъ приобѣгаю къ вашему посредничеству.

Сестра благодарна вамъ за память и привѣтствіе; она собирается въ Бессарабію на лѣто, можетъ быть и на всю зиму. Графъ Эдлингъ, на дняхъ, выѣхалъ отсюда въ Дрезденъ, онъ

¹⁾ Архіепископъ Гавріилъ (Розановъ).

страдаетъ глазами; зрѣніе его притупилось, какъ и у добраго князя А. Н. Голицына. Дочь моя съ мужемъ живетъ въ деревнѣ: такъ что мы вдвоемъ остаемся въ грустномъ уединеніи, но къ счастью за городомъ, въ нашемъ приморскомъ пріютѣ. Кое-какіе признаки преуспѣнія въ царствѣ благодати одни еще занимають и утѣшаютъ меня. Сиротскій домъ нашъ цвѣтетъ и утверждается, воспитательный монастырь скоро, повидимому, осуществится. Основаніе енархїи въ Камчаткѣ, появленіе давно забытыхъ книгъ, вновь издаваемыхъ, и проблески христіанскаго духа даже на западномъ небосклонѣ, ярко разсвѣкающіе мглу невѣрія и суемудрія, все это миритъ съ настоящимъ и подаетъ въ будущемъ надежду.

Съ сердечною преданностію вамъ благодарный и покорнѣйшій слуга А. Стурдза.

Одесса, 27-го апрѣля 1841 г.

P. S. Здоровы ли теперь милые наши дѣти? Господь да освѣляетъ ихъ присно, подавая молитву молящейся о нихъ!

Въ письмѣ 8 іюня 1841 года, изъ Одессы, Стурдза извѣщаетъ С. Д. Нечаева, что полученное отъ него письмо застало его наканунѣ отъѣзда въ Бессарабію къ сестрѣ.

Съ чувствомъ душевной благодарности имѣю честь доложить вамъ, что половина моей рукописи мною изъ духовной цензуры получена уже и набирается. Другую половину видно не изготовилъ Голубинскій, но не замедлитъ. Предвидя опасенія цензуры касательно указаннаго вами мѣста, я не даромъ упомянулъ о *нѣмецкомъ переводѣ англійскаго трактатца*, предполагая, что наша цензура русскихъ переводовъ не пропускаетъ безъ всякихъ исправленій. Но предостеречь добродушныхъ читателей все-таки надлежало. Нелѣпные трактатцы читаемы быть должны съ осторожностію. Пора бы намъ опомниться. Пусть цензура смягчитъ выраженіе сколько угодно, однакожъ не утаивая истины и не разрывая связи сочиненія.

Впрочемъ, не получивъ доселѣ этой части моего труда, я все еще надѣюсь, что цензоръ дождался преосвященнаго Филарета и попроситъ наставленія у мудраго владыки! Надѣюсь; ибо издавъ вновь *Камень огры*, смѣло можно и должно пропустить мои скромныя размышленія о *трактатцахъ*.

Прилагая краткую записку о тяжѣбномъ дѣлѣ „добраго, честнаго и беззащитнаго грека Рафтопуло“, три года лежа-

вшемъ въ сенатѣ, Стурдза въ этомъ письмѣ просилъ С. Д. Нечаева обратить на это дѣло свое „прозорливое вниманіе“.

Дочь Стурдзы, вянгина Гагарина, написала своему отцу въ началѣ октября, что С. Д. Нечаевъ былъ у нея въ Москвѣ и общалъ еще навѣстить ее вмѣстѣ съ дѣтьми. Стурдза поспѣшилъ поблагодарить Степана Дмитриевича письмомъ, писаннымъ 17 октября, изъ пріюта, чужою рукою, за исключеніемъ послѣднихъ строкъ.

Господь да освѣняетъ васъ и дѣтей вашихъ присно Своею благодатию! И намѣренъ до наступленія зимы изъ моего пріюта еще разъ съѣздить къ сестрѣ за Днѣстръ. Тамъ, разувѣтсея, о васъ и дружбѣ вашей къ намъ, ради незабвенной Софіи Сергѣевны, потечетъ умиленная между нами бесѣда. Трудно и долго было бы, почтеннѣйшій Степанъ Дмитриевичъ, описывать вамъ все тѣ искушенія, которымъ подверглись мы въ нынѣшнемъ году. Графъ Эдлингъ лишился зрѣнія и отправился въ Германію для операціи; сестра также страдаетъ глазами, а мое плохое зрѣніе сдѣлалось еще слабѣе. Мнѣ велятъ читать и писать самому какъ можно менѣе. Стараемся возвергать на Господа печаль свою и уповаемъ, что милость Его не дастъ намъ искутиться паче, нежели можемъ. И молитва любящихъ насъ, нагубясь, поможетъ намъ.

Представляю при семъ второй и послѣдній томъ моего труда; примите его съ обычною свисходительною любовію. Благодареніе Господу, книга моя расходится довольно быстро, и духовные у насъ читаютъ ее съ единодушнымъ благорасположеніемъ. Далѣе же, чаемый отъ нея духовный плодъ не во власти человѣческой. Прошу и требую, чтобы вы потрудились прямо высказать ваше мнѣніе о второмъ томѣ.

Это письмо, которымъ надолго пріостановилась переписка двухъ благочестивыхъ старцевъ, заканчивалось просьбою хлопотать о межевыхъ планахъ на 6.000 десятинъ незаселенной земли, пожалованной въ 1799 году императоромъ Павломъ родителю Стурдзы въ тамбовской губерніи, и слѣдующимъ *post-scriptum* омъ:

Читали-ль вы новую, важную и дѣльную книгу А. Н. Муравьева?

Семилѣтнее молчаніе разрѣшилось письмомъ 2 мая 1849 г., писаннымъ изъ пріюта, чужою рукою:

Будьте снисходительны къ многолѣтнему молчальнику, которому вздумалось прервать продолжительное безмолвіе покорнѣйшею просьбою и ходатайствомъ за подносителя сихъ строкъ одесскаго гражданина и купца г. Панудоглу. Въ память дней давно-протекшихъ, но всегда присущихъ памяти моеи, благоволите принять радушно и терпѣливо выслушать знакомаго мнѣ просителя. Участь цѣлаго семейства зависитъ теперь отъ рѣшенія сената, въ которомъ вы присутствуете и дѣйствуете.

Это было спорное семейное дѣло о наследствѣ.

По слабости зрѣнія я съ нѣкотораго времени все рѣже и ченьше пишу своею рукою: извините, и позвольте еще заключить письмо мое спросомъ сердечнымъ о милыхъ вашихъ дѣтяхъ. каково ихъ здоровье, успѣхи въ жизни христіанской, по образцу незабвенной матери ихъ Софіи Сергѣевны? Да будутъ они всегда вашимъ утѣшеніемъ!

5 апрѣля 1851 года, изъ Одессы, Стурдза собственноручно писалъ:

Какъ благодаренъ я случаю, или вѣрнѣе Тому, въ чьей власти времена и лѣта и разстоянія, за отрадное чувство, которымъ подарило меня дружеское письмо ваше, милостивый государь, Степанъ Дмитріевичъ, врученное мнѣ достойною поклонницею святыхъ вѣсть Марьею Клементьевной Меркуловой. Оно доставило мнѣ и всѣмъ моимъ домашнимъ много удовольствія, не чуждаго умиленія. Ибо дорогія сердцу моему подробности о дѣтяхъ вашихъ воскресили во мнѣ и присныхъ моихъ память давно минувшихъ лѣтъ, память о незабвенной Софіи Сергѣевнѣ, хранящую въ завѣтномъ безмолвіи.

Большое, задушевное спасибо вашему превосходительству за все: и за добрую вѣсть о себѣ, и за вѣстину, дѣлающую честь своей мастистой руководительницѣ въ житіи христіанскомъ. Я принялъ ее съ радостію и полнымъ довѣріемъ, потому что вашъ голосъ, имя игуменьи Маріи, которую знавалъ я еще въ мірѣ, да и благочестивая цѣль благочестивой странницы громко заговорили въ ея пользу. А тамъ ближайшее знакомство мое съ Марьею Клементьевной оправдало мою вѣру. Опоздавъ на трудномъ пути, она прибыла въ Одессу уже въ такую пору, когда не было возможности присѣсть въ Иерусалимъ ко днямъ страстей и воскресенія Христова. Въ этомъ убѣдила странницу Катерина Гавриловна Боголюбова, наставница нашихъ сиротокъ духовнаго званія и весьма опытная по долготу ея пребыванію у Гроба Господня.

Тяжело было г-же Меркуловой разстаться съ любимой мечтой. Но она покорилась волѣ Божіей безъ ропота, безъ унынія, и осталась здѣсь до 10 или 20 апрѣля, по указанію обстоятельствъ. Будучи однимъ изъ основателей и попечителемъ одесской богадѣльни сердобольныхъ сестеръ, въ которой помѣщается храмъ, а при немъ большія и ухаживающія за ними безмездно добрыя труженницы, я зазвалъ пришлицу погостить въ расадникѣ дѣятельнаго милосердія, до дня отплытія парохода въ Византію. И признаюсь вамъ, что мнѣ очень хотѣлось бы привлечь навсегда вѣрную агницу въ нашу смиренную общину безмезднаго служенія больнымъ. Однако примолвлю: воля Божья благая и совершенная да будетъ, а не наше, часто сѣбноотвующее, желаніе.

Госпани, позвольте мнѣ, многуважаемый Степанъ Дмитріевичъ, приложить у сего печатный отчетъ о пачаткахъ нашего учрежденія. Съ тѣхъ поръ по милости Божіей оно постоянно крѣпнеть и приноситъ уже плодъ исцѣленій не только тѣлесныхъ, но и душевныхъ. Теперь у насъ сестеръ милосердія пять, больныхъ до шестнадцати. Живемъ и пользуемъ страждущихъ однимъ подаяніемъ. Обстроились и пять кроватей уже основано посредствомъ вкладовъ на вѣчныя времена.

Мы безразлично принимаемъ больныхъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій. Но по нашему уставу и обдуманному убѣжденію моему сестры сердобольныя должны быть всѣ православныя. Безъ сего въ духовномъ управленіи и направленіи поваго заведенія не доставало бы необходимаго *единства*.

„Увидимся ли мы еще въ этомъ дольномъ мірѣ“?—заканчиваетъ свое письмо А. С. Стурдза, вспоминаетъ покойницу Софью Сергѣевну, дорогую его памяти, приглашаетъ С. Д. Нечаева съ дѣтьми въ Одессу.

Какая отрада для меня показать вамъ мѣсто покая сестры моей, церковь Воскресенія Христова, сооруженную мною на могилѣ ея по ея волѣ и обѣту... Матери-подвижницѣ на Бородинскомъ боевомъ полѣ прощу засвидѣтельствовать глубокое уваженіе мое и вмѣстѣ просьбу: не уступитъ ли она намъ свою духовную дочь на дѣло служенія страждущимъ братіямъ, тѣмъ болѣе, что Марья Клементьевна, будучи связана супружествомъ, не можетъ произнести обѣтовъ иноческихъ. Потерпимъ и увидимъ, что провѣщаетъ о ней Гробъ Спасителя живопріемный“.

Съ чувствами неизмѣннаго къ вамъ уваженія и преданности навсегда вашего превосходительства покорнѣйшій слуга *Александръ Стурдза*.

Милостивый государь,

Степанъ Дмитріевичъ.

Какъ отголосокъ изъ завѣтной области прошеднаго, дошло ко мнѣ и обрадовало меня, на дняхъ, письмо вашего превосходительства, написанное 4 мая, но пересланное ко мнѣ изъ Одессы съ послѣдшею почтою. Послѣ тяжелой болѣзни, одержавшей меня съ 10-го апрѣля до іюля мѣсяца, выздоравливающему медленно и едва вышедшему изъ горнила испытанія, свыше испосланнаго къ очищенію многогрѣшной души моеи, вы можете себѣ представить, какъ отрадно было мнѣ услышать привѣтъ издали, отзывающійся воспоминаніемъ давно протекшихъ лѣтъ, и въ дружескомъ письмѣ вашемъ обрѣсти залогъ вашей благосклонности. Матушка-Россия такъ велика, что, разоидясь однажды по лицу ея, надобно упорствовать, чтобы сберечь сердечныя отношенія наши съ людьми, нѣвогда стоишь близкими для насъ. И заочно благодаренъ доктору Вейнтраубу ¹⁾ за тѣ пріятныя минуты, которыя онъ мнѣ доставилъ. Какъ-то только и скорблю при мысли, что онъ, вѣроятно, не дождетя нашего близкаго возвращенія въ Одессу. Если застану его, то постараюсь быть полезнымъ ему, чѣмъ только сумѣю.

Все, что вы изволите сообщать мнѣ о милыхъ вашихъ дѣтяхъ, уже переставшихъ быть дѣтьми, дорого для меня и занимательно. Я тотчасъ подѣлился этими свѣдѣніями съ моею женою и дочерью. У насъ-то мы гостимъ теперь вѣднѣе пребыванія ея съ мужемъ и дѣтьми въ Манзырѣ, заднѣпровской усадьбѣ покойной сестры моеи. Господь далъ намъ трехъ внуковъ и одну внучку. Дочь моя помнитъ и любитъ незабвенную Софію Сергѣевну: я же, молясь о моихъ усопшихъ въ крѣти моеи, невольно и постоянно произношу имя ея. Оно, по какому-то сочетанію мыслей и чувствованій моихъ, соединено съ именемъ подвижника Аникиты, коего такъ глубоко уважала супруга ваша. Итакъ, вы видите, м. г., что все, касающееся до васъ и вашихъ кровныхъ, не можетъ никогда сдѣлаться чуждымъ моему сердцу.

Вамъ угодно навѣдываться объ участи горькой, но заслуженной, несчастнаго Θ . М. Примѣръ его доказываетъ, что рѣдкій умъ и добродушіе не могутъ замѣнить отсутствія въ человѣкѣ твердыхъ правилъ и глубокихъ убѣжденій. Θ . М. содержится подъ стражею какъ подозреваемый, и онъ тѣмъ виновнѣе и злополучнѣе, что погубилъ не одного себя!..

¹⁾ Состоявшему при комитетѣ о просящихъ милостыни

Я уже зналъ о блаженной кончинѣ игуменьи ¹⁾ Маріи: дай Богъ, чтобы пастыри наши удачнымъ выборомъ ея преемницы съумѣли предотвратить упадокъ основаннаго ею общежитія. Очень больно видѣть, что у насъ самыя лучшія учрежденія рѣдко переживаютъ своихъ учредителей! Воюю той же участи въ отношеніи здѣшней врачевницы сердобольныхъ сестеръ, которую Господь Іисусъ доселѣ милуетъ и гдѣ гостила г-жа Меркулова въ 1850-мъ году, скоро послѣ открытія этого заведенія. Вы, по-видимому, почтеннѣйшій Степанъ Дмитріевичъ, смѣниваете новую обитель безмезднаго служенія больнымъ ради Христа съ домоу призрѣнія сиротъ и воспитательнымъ монастыремъ, надѣ кончи столь потрудилась покойная сестра моя. Но ее уже не было посреди насъ, когда мы задумали идти по ея слѣдамъ и затѣли новое заведеніе, яттипо богохранимое, хотя и убогое. Если Марья Меркулова, и теперь проживающая въ Іерусалимѣ, получитъ горестную вѣсть, рѣшится обречь себя у насъ на служеніе болящимъ, то безъ сомнѣнія найдетъ она здѣсь надежную опору для себя въ новой настоятельницѣ нашего заведенія Екатерины Александровнѣ Хитровой и другихъ достойныхъ труженицахъ. Позвольте мнѣ доставить къ вамъ, при случаѣ, наши отчеты, временный уставъ и наставленіе сердобольнымъ сестрамъ.

Извините мое безобразное писаніе, я плохо вижу: и впрямь не стану писать къ вамъ своеручно, частію по неволѣ.

Будьте же снисходительны ко мнѣ и вѣрьте чувствамъ неизмѣннаго почитанія и преданности душевной, съ коими пребуду навсегда вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою *А. Стурдза*.

М. Окны, сентября 6-го дня 1852 г.

II.

Письма Ѳ. А. Голубинскаго.

„Мыслитель замѣчательный, извѣстный не въ одной Россіи, но и въ Европѣ, профессоръ философіи, протоіерей Теодоръ Александровичъ Голубинскій занималъ въ московской духовной академіи кафедру философіи тридцать шесть лѣтъ“ ²⁾, съ 1818 по 1854 годъ. Съ 1826 по 1851 годъ онъ, сверхъ того, былъ цензоромъ въ московскомъ духовно-цензурномъ

¹⁾ Бородинскаго монастыря.

²⁾ С. Смирновъ, «Исторія московской духовной академіи», М. стр. 47—50. 390. и др.

комитетѣ. Онъ былъ магистромъ перваго курса московской академіи, въ 1828 году принялъ священство, въ слѣдующемъ получилъ санъ протоіерея московскаго Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря. Въ 1854 году по слабости здоровья уволился отъ службы въ академіи, скончался въ Костромѣ 22 августа того же года, на 57 году отъ рожденія. Въ 1868 году напечатаны его лекціи по умозрительному богословію, въ 1871 году—умозрительная психологія.

Изъ трехъ печатаемыхъ ниже писемъ *Θ. А. къ С. Д.* Не-
чаяву въ одномъ содержится любопытныя автобіографическія
указанія, а въ двухъ другихъ заключаются интересныя суж-
денія о цензурѣ и о тѣхъ, такъ сказать, полусвѣтскихъ ста-
тейкахъ для духовнаго чтенія, которыя такъ распространены
въ Англии.

Ваше превосходительство,

милостивѣйшій благодѣтель мой!

Приниму глубочайшую благодарность за милостивое ваше вни-
маніе ко мнѣ и попеченіе о благоустроеніи судьбы моей. Тягостно
для меня не оправдать ожиданій нашего превосходительства: по
отношенія мои къ здѣшней академіи заставляютъ меня отвѣтствовать
на милостивое ваше предложеніе, что я не могу принять на себя
обязанности, которую ваша благодѣтельная рука мнѣ указываетъ.
Я обѣщаль архипастырю нашему окончить и изготovitъ въ на-
печатанію переводъ двухъ довольно большихъ, полезныхъ для
класса философскаго, книгъ, именно: *Прикладной логики Г. М.*
Зиллера, и *Ученія о счастіи*, того-же автора. Волѣе нежели
двѣ трети сихъ переводовъ уже приготовлены; остальное я дол-
женъ довести до конца. Сверхъ того, я обязанъ написать *Исто-*
рiю философіи, которой почти половина еще не обработана
мною ¹⁾. Послѣ того, какъ я столь долгое время пользовался
милостями и довѣренностію начальства, пекущагося о благѣ ака-
деміи, мнѣ стыдно оставить академическую службу, не оставивши
никакихъ слѣдовъ, сколько нибудь полезныхъ для воспитанниковъ
духовныхъ училищъ. Тѣмъ болѣе чувствую я нужду послужить
еще, сколько могу, при академіи, потому, что старшій бакка-
лавръ философіи, преподававшій здѣсь въ теченіе восьми лѣтъ.

¹⁾ *Θ. А.* скончался, не окончивъ этого труда.

сначала исторію философіи, потомъ психологію и метафизику, и списавшій довольно оытнотци, Архидіаконскій, недавно уволенъ отъ академіи по болѣзненному состоянію. За посильные труды мои я награжденъ довольно, — можетъ быть гораздо больше, нежели сколько заслуживаю. На нужды въ содержаніи семейства не могу пожаловаться ¹⁾. Такимъ образомъ, и данное обѣщаніе, и долгъ благодарности, и обезпеченіе въ нуждахъ житейскихъ побуждаютъ меня желать посвятить еще нѣсколько лѣтъ службѣ при академіи, ежели то начальству будетъ угодно.

Простите меня великодушно, досточтимый благодѣтель мой, что не могу изъявить согласія на милостивое предложеніе ваше.

Съ чувствованіями глубочайшей признательности и почтенія по гробъ мой пребуду, милостивѣйшій государь, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга протоіерей *Осодоръ Голубинскій*.

Ноября 17-го дня 1835 года.

Ваше превосходительство,

незабвенный благодѣтель мой!

Чувствительнѣйше благодарю васъ, что вы посѣтили меня словами участія и утѣшенія въ скорби моей. Истинно сказанное вами, чтобы держаться за руку милующаго Господа. Прежде это было для меня менѣе ощутительно, почти незнакомо: но посѣщеніе Божіе придало малодушному сердцу больше дерзновенія въ молитвѣ, больше упованія и увѣренности въ милосердіи Господа, всехъ любящаго, и больше желанія къ исправленію жизни. Только, сохрани Боже, чтобы не заглохли сіи, едва возникшія расположенія духа!

Рукопись Ал. Ск. Стурдзы я разсмотрѣлъ, гдѣ нужно исправилъ, и завтра представлю съ мнѣніемъ въ цензурный комитетъ. а 18-го мая, надѣюсь, она будетъ возвращена сочинителю съ одобреніемъ къ напечатанію. Только боюсь не угодить ему: мѣстахъ въ пяти оказалось нужнымъ исключить его сужденія. Такъ, напримѣръ, въ одномъ письмѣ онъ изъ всехъ силъ вооружается противъ духовныхъ трактатовъ, переводимыхъ съ англійскаго, находить въ нихъ „нестроту, несвязность, плоскость слога и вымысловъ. Я развернулъ, пишетъ, одну книжонку: *о средствахъ къ освященію*. Тутъ совѣтуетъ безыменный проповѣдникъ: молитву, чтеніе слова Божія, хожденіе во храмъ, духов-

¹⁾ Кроме профессорскаго жалованья, О. А. получалъ 800 р по должности цензора и съ 1845 г. имѣлъ казенную квартиру.

ное иѣніе, назидательныя бесѣды, сердечное обращеніе къ Богу; но пропускаетъ многое и важное, именно: исповѣдь и причащеніе... То, чего въ книжкѣ нѣтъ, обличаетъ въ полной мѣрѣ ненадежность подобныхъ вѣроучителей. Они не вожди намъ, ибо давно лишили себя и насъ хотѣть лишитъ безцѣннаго участія въ двухъ таинствахъ... Главный недостатокъ въ трактатахъ состоитъ въ томъ, что обращеніе кающихся грѣшниковъ изображается въ видѣ внезапной и всецѣлой перемѣны нашего существа, совершающейся безъ малѣйшей постепенности. Не явный ли это поводъ къ самоиреліценію и безпечности въ дѣлѣ спасенія? Писатели, находясь подъ вліяніемъ кальвинскаго ученія о неутраченности примиренія и спасенія, усиленно подкрѣпляютъ свой догматъ невѣрными наблюденіями или вымышленными разказами. Увы!.. Ежели сіи чудесныя обращенія истинны, то надлежало бы облечь ихъ доводами. Если же это одни благочестивые вымыслы, то писатели грѣшны... и проч. Какъ могу я содѣйствовать къ обнаруженію такихъ неосновательныхъ подозрѣній и придирокъ? Какъ могу пособить инквизитору въ прегражденіи тѣхъ благодѣтельныхъ каналовъ, которыми многи сотни дѣтей и просто-сердечныхъ людей возбуждаются къ обращенію отъ грѣховъ? Ругаться надъ ними не значить ли пойти противъ благодати, безчисленными сѣтями уловляющей сердца, и способствовать къ ложному спокойствію совѣсти? Нѣтъ, хотя бы сочинитель и сталъ жаловаться высшему начальству на цензуру, убѣжденіе совѣсти и страхъ, чтобы не укорить Духа благодати, не позволяютъ мнѣ согласиться съ нимъ въ этой полемикѣ.

Съ глубочайшею преданностію и высокопочитаніемъ имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугею.
Феодоръ Голубинскій.

Мая 14-го дня 1841 г

Ваше превосходительство,

незабвенный мой благодѣтель,

Стефанъ Дмитріевичъ!

Долгомъ почитаю донести вамъ, что IV-я книга *Писемъ* Ал. С. Стурдзы о *должностяхъ священнаго сана* одобрена цензурою и отослана на его имя въ Одессу 30-го іюня сего года. Ранѣе не могъ я отиравить ее, частію потому, что ожидалъ на сіе личнаго дозволенія отъ преосвященнаго митрополита, которое и получилъ 27-го іюня, частію по причинѣ множества заботъ,

степенных по случаю окончанія курса. О чемъ я и писалъ къ Александру Скарлатовичу.

Чувствительнѣйше благодарю васъ за дорогой подарокъ, три книжки *Разказовъ*. Это живой голосъ добраго сердца, который найдетъ отголоски во многихъ душахъ читателей, и вѣрно все сіи разказы основаны на истинныхъ событіяхъ. Англичане опредѣлили насъ въ семь родъ назидательныхъ извѣстій; давно бы пора русскимъ собирать съ своей благоплодной, богатой добромъ почвы подобныя свѣжіе и прекрасныя цвѣтки.

А васъ, распорядителя, и поощрителя, и споспѣшника на Божіемъ пути благотвореній, да сподобитъ Господь болѣе и болѣе приносить жертвы на алтарь святаго человечества, и пѣкогда услышать возделанный гласъ: *добрый и вѣрный рабе! въ миломъ ты былъ оръежъ; надъ многимъ тебя поставлю; увиди въ радость Господа твоего.*

Съ симъ душевнымъ желаніемъ и глубочайшею преданностію и почтеніемъ имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою *Аеодоргъ Голубинскій*.

Іюля 21-го дня 1840 года.

III.

Письма архимандрита Фотія.

Имя юрьевского архимандрита Фотія въ свое время, можно сказать, положительно гремѣло по всей Россіи, да и теперь оно еще не вышло изъ словаря разговорной рѣчи и не сошло со страницъ повременной печати. То положеніе, какое занималъ Фотій въ современномъ ему обществѣ благодаря особымъ свойствамъ своего характера и безусловной преданности ему богатой графини А. Г. Орловой, было настолько оригинальнымъ, что едва ли можно встрѣтить повтореніе его въ исторіи. До настоящаго времени историческій взглядъ на Фотія нельзя назвать не только установившимся, но и сколько нибудь опредѣленнымъ. Печатаемая ниже письма Фотія имѣютъ исключительно автобіографическій интересъ¹⁾.

Радуйся и веселися, Стефане, о Господь, возлюбленне, ра-

¹⁾ Интересная автобіографія архимандрита Фотія печатается въ «Русской Старинѣ».

дуйся ты, мужь боголюбивый и христоролюбивый, радуйся купно съ нами, якоже и мы съ тобою,—*яко съ нами Богъ!*—Ты предварилъ меня твоимъ писаніемъ, пиша знаменія любви твоей ко мнѣ убогому и недостойному рабу твоему: ублажая же тебя, домъ твой, съ правдою созижденный, твое все, Богу любезное, я тебя за любовь твою любовію о Господѣ почитаю благословляю тебя не во инъ день, а въ день пресвѣтлый Господень, въ онъ же ангелы поютъ „слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ челоуѣцѣхъ благоволеніе“, въ онъ же день явился, *яко съ нами Богъ наизъ*,—отцевъ нашихъ Господь хвалный и препрославленный. Не сердце ли мое во мнѣ нѣкогда вѣщало, яко съ тобою есть Господь? Принелъ я въ домъ твой видѣть тебя и всѣхъ твоихъ, и твоего херувима во плоти видѣлъ, видѣлъ на тебѣ Божіе благословеніе, и на твоёмъ домѣ, видѣлъ, яко съ нами Богъ, и съ тобою Господь былъ въ дому твоёмъ: сердце твое, отрыгнувшее глаголь благочестія и предивнаго смиренія, мнѣ въ сердце вѣщало, яко Господь тебя не оставитъ и Богъ милости и щедротъ тебя благословляя благословитъ Своимъ благословеніемъ, земнымъ и небеснымъ: да узришь ты благая Иерусалима во вся дни живота твоего; да по имени твоему и житіе твое да будетъ на пользу святыхъ и православныхъ Церкви; ты сынъ ея, и отъ соседей преславаго ученія ея воспитанъ; и дѣла твои нынѣ являютъ, что ты сынъ ея возлюбленный. Да напишется имя твое въ книгахъ живота, да будетъ путь твой предъ Богомъ, яко путь правды и славы Божіей; да почіетъ Божіе благословеніе съ тобою, и на твоей женѣ, и чадахъ, и домочадцахъ; и да будешь ты благословенъ отъ Бога и челоуѣкъ. Тако за любовь твою о Господѣ тебя любя благословляю, тако ублажаю и поздравляю въ день пресвѣтлаго праздника Христа Бога нашего, о Немъ же есмь тебя на вѣки возлюбившій твой всенужнейшій послушникъ убогий и недостойный чернецъ Ю. А. ¹⁾ *Фотій*.

Декабря 24-го дня 1831-го года.

Радуйся, о, мужь предостойный и мудрый, радуйся о Господѣ, въ твоёмъ званіи и служеніи! Высоко и велико мѣсто есть, на немъ же ты поставленъ отъ Вышняго служить нынѣ. Святѣйшее есть мѣсто и собраніе. Убо да будетъ и слово и дѣло свято въ назиданіе общес, а для сего молю Бога, да будетъ на тебѣ духъ Господень, духъ премудрости и разума, духъ вѣдѣнія и благо-

¹⁾ Т. е. юрьевскій архимандритъ.

честія и страха Божія: и таи да наставишь ты на истину. Сей есть Единъ Кормчій Истинныи, вездѣ съи и вся исполняи. О! да не мнѣшь чѣй умъ, что смертепъ кто нѣбо править кораблемъ Христовымъ, нѣе есть святая Церковь! Самъ Христосъ въ немъ есть и Духъ Святый со Отцемъ Богомъ. Общій Кормчій да уравишь и теби къ Своему дѣлу и введеть въ царствіе небесное и явитъ величіе Божіе.

Слышу, что дщерь моя о Господѣ ¹⁾ была тебѣ привѣтствовать: пишеть мнѣ о семъ, и о томъ, да добръ я сотворю, аще тебѣ благословеніе прииму. Кое же благословеніе тебѣ прииму? Ты милостію Божіею поставленъ на мѣсто сіе служить, то я тебѣ и милосердія источникъ посылаю, икоу Пресвятыи Дѣвы Богородицы, во пречистыхъ объятіяхъ держащую Отрока Іисуса Христа Спася Господа, а не Младенца. Неполненъ ты еси разума добраго, и духа имѣешь по благодати: прими съ вѣрою *благословеніе Божіе*, кое азъ посылаю тебѣ, рабъ Господа Іисуса; съ сею иконою по мѣрѣ, вѣрѣ, будетъ тебѣ благодать Божія Матере. Не пиш, о, добрый мужъ и свѣтлый, отъ старца меня добронисанія и витійства. Да мню, что сіе тебѣ и не пужно. *Благословеніе Божіе* тебѣ нужно, то оное азъ тебѣ и посылаю и, теби знамая во имя Господне, пишу рукою моею тебѣ вопія: радуйся, Господь съ тобою! И аще благословляя благословишь Господа, и Той благословитъ тя, и ущедритъ тя, и просвѣтитъ тя, и спасеть и помируетъ, и узриши блага Господня. Радуйся.

Благословляющій тебѣ о Господѣ твой рабъ убогій недостойнѣйшій во архимандритахъ, многоболѣзненный *Фотій*.

Мая 13-го дня 1833-го года.

Прости, что такъ пишу не ясно, немощень есмь. Паишевъ и перечестъ не могу,—и тако посылаю. Вѣмъ бо, яко тебѣ духъ и сила нужны, а не словеса.

О, благоразумне и премудре!

Не мни, что я тако пишу, лѣста: тотъ, иже пишеть, не обрѣтеться лѣсть во устѣхъ его, по силѣ его дѣйствъ во славу Божію; не имѣеть нужды никому лѣстить ни въ чемъ: вся имѣеть отъ Бога; ни слова, ни дѣла ни въ какихъ нуждахъ той не будетъ имѣть, съ нимъ же нѣсть Бога, и во устахъ обрѣтается у кого ложь въ сердцѣ, на устахъ же лѣсть яко медосладость.

¹⁾ Графляи Орлова.

Тебѣ же, что пишу, яко рабу Божию пишу, яко ангелу, посланному свыше на время свое; не можетъ никто ничего дѣлать, аще не будетъ дано свыше, а наче всего, что благо, велико же предъ Богомъ. Малое предъ людьми, но великое есть предъ Богомъ. Похвала Богородицы наче всего Богу слава, Христу величаніе, святымъ пѣснь; тѣмъ же и азъ пою пѣснь Богородицѣ, величать душа моя Господа въ Ней; Ее, Матерь Божию, ублажаемъ, то и въ Бога вѣру, Отца и Сына и Св. Духа имѣемъ, устамъ исповѣдуемъ: въ купинѣ первое видѣніе великое было Божіе, знаменіе Богородицы, а въ святителѣ христіанинѣ, боголюбцѣ и всякомъ благочестивомъ, честь, любовь, хвала, слово и дѣло о Божіей Матери. Се камень пробныйъ всякаго видѣть явно вѣру и слышать правду, и коего духа есть: аще отъ Бога, или отъ міра сего есть. Что пишу тебѣ, ублажая тебя, Стефане преимените, чувствъ обилія любви сердечной изливаю, а не воздухъ словачи бѣю, и хартію мараю: я же пишу, и на небесахъ то мнѣ въ честь пишеть рука Божія, да прійму за сіе малое мое послуженіе мзду, и вси меня слушающіе, а ты первый, яко власть попечительная по Бозѣ, предъ цари и владыки поставленная, о всѣхъ и за вся. Велико твое служеніе: архангело-подобное предстательство на земли. Аще ты послужишь, якоже дадеся тебѣ благодать и сила, велико будетъ имя твое, и мзда твоя многа на небесахъ. Истину тебѣ глаголю, и пишу дѣло и слово Господне на благо Церкви святыхъ, царства, для всѣхъ и каждаго. Да будетъ по имени твоему служеніе твое, и по служенію о Христвѣ житіе: Господь съ тобою, Христосъ посредѣ насъ: съ нами Богъ! Да спидеть на тя Божіе благословеніе и благоволеніе нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

7-го Ноября 1833-го года.

Свѣд. Г. О. П. С. Д. Н.

Вѣнценосецъ именитый по благодати!

Странный вѣнецъ, не сплетенный моими руками, но отъ древнихъ лѣтъ видѣнный, съ первыхъ вѣковъ христіанства извѣстный, употребляемый, давно кое-гдѣ хранящійся въ сокровищахъ церковныхъ, но мною обрѣтенный, добръ разсмотрѣнный, яко драгоцѣнный, славный, прекрасный, готовый представляю предъ лице на судъ святѣйшаго собора, идѣже Богъ Святыи судилъ тебѣ быти и служить въ свою чреду. Странное чудо но преславное, похвалу странную огненнопальная купины службу, образъ ея, Владычицы, и пужное на среду извожу; да благодати же-

лавшіе и славы у Бога, молитвами же Богородицы просящіе, являют свою благодать здѣсь на земли къ Богородицѣ, да тамо на небесахъ сугубо получать благодать возблагодарить и славу вѣчную, — вѣнецъ правды.

Премудрый, по имени своему и житію и служенію твоему, возлюбил сплетенный вѣнецъ отъ святыхъ похвалы, образу Богородицы Купины Неопалимой, и буди предстателемъ, гдѣ тебѣ Богъ далъ быть, и послалъ тебя яко единого во плоти отъ ангель Своихъ съ пламенною любовію ко всякому благу святыи Церкви Божіи, коя есть живая, первая, святѣйшая, всеблагодатная, преславная, чудесъ исполненная Божіи Матерь, одушевленныи животъ святыни и престоль Царя славы Христа, держащая Младенца Его, якоже образъ показуеть, Превѣчнаго Бога, спасенія нашего ради являшагося на земли и Собою все совершившаго, и рай отверзшаго, древнее насажденіе, Божіе видѣше, божественное чудо, благодать и славу. Се вѣнецъ славы, образъ благодати, чтобъ елико возможно веѣмъ вѣрнымъ, въ свое время, похвалу Пресвятыи плести, воспѣвать, ублажать Ее, Матерь Свѣта и Живота, Бога Слова рождшую, сущую Богородицу! Нѣтъ ничего болѣе на земли, какъ похвала Богородицы, и вреднѣе, какъ хула и презрѣніе Ея образа, благодати, чудесъ и славы. Чудо чудесъ, паче ума и разума. всякаго слова и естества. рождество нетѣлнно Богородицы явися: якоже воздухъ полетомъ и теченіемъ раздѣляется на свой часъ отъ тѣла, огонь и пламень раздѣляется отъ проведенія мгновеннаго руки чрезъ нихъ, вода отъ преществія и раздѣленія, тако рождество бысть Сына Божіи изъ Приснодѣвы Матери Маріи: прежде прехода Израиля чрезъ воре, была вода непроходна, и по преходѣ бысть вода такъ же непроходна, нераздѣлима: тако бысть прежде рождества Дѣва, мѣ рождествѣ Дѣва и по рождествѣ Дѣва. Паче всѣхъ знаменій въ Купинѣ Неопалимой было знаменіе Богородицы: образъ паче всѣхъ изображеній, явленій чудотворныхъ, Богородичный, единъ святоѣвнѣйшій, совершеннѣйшій, полный образъ Богородицы, Купины Неопалимыя. Сія драгоценность вѣковъ и древнихъ и новыхъ лежала досель по смотрѣніи въ хранилищахъ церковныхъ: церковный вѣнецъ сей славы имѣеть чудные на себѣ духовные небесные камни драгіе, пресвѣтлые. Бездна ума, разума, славы и видѣнія великаго на образѣ Купины.

И такъ, Стефане, прехвальне о похвалѣ Пресвятыи Купины Неопалимыя, благоволи также по силѣ сотворить благо, якоже и я, отъ силъ моихъ слабыхъ, посильное творю, и всѣхъ, кого

должно, чело, и тебѣ наче, яко умъ, око, ногу, руку, сердце и умъ, и все первое въ дѣлахъ духовныхъ и по Возвѣ вѣрнымъ. Будь милостивъ и здравъ на службу многу.

Твой слуга, богомолецъ и отецъ убогій священно-архимандритъ *Фотій* ¹⁾).

Ноября 7-го дня 1833-го года

Г Оберъ-Прокурору Св. Синода. С. Д. П.

Радуйся, и прими съ радостію даръ, яко благодать: посылаю бо тебѣ радость радостей: елико хочешь, только по мѣрѣ вѣры и будетъ тебѣ.

Се! Благоуханный цвѣтъ земный и съ нимъ вкушъ небесный, пречистый, цѣльбоносный, райскій, словесный. Прими милость Божію любезнорадостно.

Ты болѣе чувствуешь, нежели мнѣ изъясилъ, какъ тебѣ драгоценна твоя супруга: добро ты сказала, како ей послѣ небеснаго врачеванія было облегченіе неожиданно. Добра вѣра твоя, а велия вѣра твоя обращаетъ здравіе ей совершенно, аще вѣруешь и хочешь, и якоже благоволишь благодать Божія сотворить. -- Единъ есть Врачъ душъ и тѣлесъ, небесный Утѣшитель: Онъ безъ всего все даруетъ вѣрующимъ. Посылаю тебѣ сокровищницу церковную, посмотри и внимательно пройди строки части 4-й, главу четвертую на десять (14-ю), стр. 58, 59, 60, 61 и до 67-й; не много требуется времени, молю тебя и прошу, прочти, можетъ быть тебѣ будетъ и полезно и любезно, а я думаю, что не всеѣмъ доселѣ извѣстно, крайнее непомое и вождельное сопровище. Твое сердце тебѣ речеть, что нужно, полезно, и то ты сотворишь во утѣшеніе души своея и всеѣхъ своихъ и присныхъ. Я было хотѣлъ дать въ запасъ на весь путь здравыя плщи и нитія: т. е. просвирныхъ суларей банку для жены, отъ моего ежедневнаго служенія остающихся, и сдѣланныхъ изъ просвиры, называемой Богородицной, и еще малую стѣлянцу святыхъ, живоносныхъ и цѣльбоносныхъ воды богоявленскія, которая николи не портится и кося капля едина во все полагаемая, т. е. въ ястіе и нитіе, есть цѣльбоносна: но не усилъ тебѣ вручить. Я вѣрующимъ и требующимъ всеѣмъ раздаю, аще есть мѣсто для сего у тебя, прииму тотчасъ тебѣ того и другого. А сіе будетъ въ благословеніе Божіе; и я желаю здравія твоему подружію благо-

¹⁾ На конвертѣ написано: Божіе благословеніе отъ Бога званному и избранному Волярину Стефану Д Нечаеву.

честивому. Послушай, я тебя видѣлъ въ видѣніи на день Лазарева воскресенія, т. е. въ субботу Лазареву, и всю ночь съ тобою говорилъ о твоей супругѣ; и, между прочимъ, у меня была рѣчь съ тобою дать ей святой воды, хотя по кашлѣ, но во все полагать ѣдомое и шемое, и елса, т. е. прованскаго масла, и вообще нищи постныя придерживатьса, дабы истинно здравіе имѣть. Впрочемъ, я съ тобою говорилъ, ее не видалъ, въ видѣніи совѣтъ подавалъ, а въ сей день и часъ пишу тебѣ и объявляю. Усердіе мое во благо и благословеніе есть, а дѣло отъ тебя зависятъ: твори якоже хочешь и знаешь; я же желаю тебѣ истинно милости Божіи и радости и супругѣ твоей здравія, — для того и нищу и благоуханный вишній и духовный, земный и Божій цвѣтъ посылаю, и книгу, въ ней же еще ты недовѣдомое узнаешь и похвалиши Бога, дивнаго во святыхъ...

Радуйся, Господь съ тобою, миръ вамъ всѣмъ ¹⁾).

1834 г. 12 Июля.

Радуйся!

Ежели тебѣ нужна книга будетъ и полюбитса написаніе объ исцѣленіи, можешь оную взять съ собою въ путь: дарю оную. А ежели мѣста у дорожнаго не будетъ, то оставиши, и мнѣ будетъ возвращена: особенно, ежели все замѣтиши на память.

Мира, здравія и спасенія желаю. Ты делалъ имѣть образъ святой отъ моего худости сыну твоему младенцу, кому ты и имя святое далъ въ честь святаго обители и самаго обители ²⁾): и посылаю я тебѣ, возлюбленне брате, предостойнѣйшій мужъ, образъ не человѣка, а небснаго, святаго ангела хранителя: на немъ изображенъ *ангелъ хранитель ведетъ душу къ Богу и хранитъ оз пути*. Се тебѣ благословеніе Божіе за любовь твою къ моему недостоинству, прими и благослови въ благословеніе, кому ты вѣдаешь. Да будетъ Господь съ тобою. Посылаю я намѣстника моего по надобностямъ, и съ нимъ образъ ангела хранителя. Миръ тебѣ. Радуйся. + + +.

Твой недостойный, послѣдній грѣшный послушникъ и богомолецъ юрьевскій архимандритъ *Фотій*.

Новгородъ. Ю. монастырь. Сентябрь 9-го дня, 1835-го года.

¹⁾ Слѣдуютъ три креста и неразборчивая, сокращенная подпись

²⁾ Юрій Степановичъ Нечаевъ-Мальцовъ, гофмейстеръ.

IV.

Письмо А. С. Пушкина.

А. С. Пушкинъ знакомъ былъ съ С. Д. Нечаевымъ гораздо ранѣе даты печатаемаго письма; вѣроятно оба они встрѣчались, какъ литераторы, на какихъ либо собраніяхъ. Но знакомство это, повидимому, было не короткое, хотя и дружественное. Въ бумагахъ Нечаева сохранился пожелтѣвшій лоскутокъ, по всей вѣроятности конца двадцатыхъ годовъ, писанный рукою Пушкина, въ которомъ Александръ Сергѣевичъ, называя Степана Дмитріевича Сергѣемъ Дмитріевичемъ, проситъ „возвратить не посылку, а письмо“.

Милостивый государь.

Степанъ Дмитріевичъ,

Осмѣливаюсь прибѣгнуть къ вашему превосходительству со всепокорнѣйшею просьбою.

По волѣ государя императора протодіаконъ царекосельской придворной церкви, за нетрезвость, исключенъ изъ придворнаго вѣдомства и переведенъ въ епархіальное. По предписанію же синода, онъ долженъ быть отправленъ въ свою родную епархію. Протодіаконъ, человѣкъ уже не молодой и семейный, проситъ, какъ милости, быть оставлену въ епархіи здѣшней. Смыслъ высочайшаго повелѣнія будетъ исполненъ равно, ибо въ немъ ни слова не было сказано о томъ, чтобъ на *свою* епархію отправить его.

Протодіаконъ, не знаю почему, отнесся ко мнѣ, полагая, что слабый мой голосъ удостоится вашего вниманія. Во всякомъ случаѣ, я не могъ отказать отъ ходатайства и препоручаю моего кліента вашему великодушному покровительству.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

Александръ Пушкинъ ¹⁾.

12 февраля 1834 г.

¹⁾ На письмѣ надпись рукою С. Д. Нечаева карандашомъ: «прислать ко мнѣ состоявшееся о немъ повелѣніе». И затѣмъ другая замѣтка: «дать паспортъ для слѣдованія въ смоленскую епархію». Рѣчь идетъ о протодіаконѣ Θεодорѣ Θεодотовичѣ Лебедевѣ Уроженецѣ смоленской губерніи, сынъ священника, онъ обучался въ смоленской семинари «до поэзиса». Послѣ того, съ іюня 1799

до 1816 г. служилъ въ смоленской епархіи: сначала дячкомъ въ с. Семеновскомъ, гжатскаго уѣзда, затѣмъ дячкомъ благовѣщенскаго собора въ г. Гжатскѣ и наконецъ дякономъ въ томъ же соборѣ. Въ 1816 году, 18 апрѣля, состоялось высочайшее повелѣніе: «вытребованнаго изъ г. Гжатска благовѣщенской соборной церкви діакона Θεодора Лебедева опредѣлить въ придворный соборъ (т. е. въ соборъ Зимняго дворца) дякономъ же, съ производствомъ жалованья и другихъ окладовъ противу прочихъ изъ кабинета, впродъ до помѣщенія въ штатное число». Въ протодіаконы этого собора Лебедевъ былъ произведенъ 26 марта 1819 года. Въ 1829 году, съ высочайшаго соизволенія (9 марта), изъ собора Зимняго дворца Лебедева перевели въ царскосельскую придворную церковь. Въ слѣдующемъ, 1830 году, 18 августа, вслѣдствіе сообщенія протопресвитера П. В. Криницкаго министру императорскаго двора о томъ, что Лебедевъ, «имѣя склонность къ пьянству, часто бываетъ боленъ», высочайше повелѣно было: «протодіакона царскосельской придворной церкви Θεодора Лебедева, за нетрезвую жизнь, обратить въ смоленское епархіальное вѣдомство, съ пониженіемъ сана, и имѣть тамъ строгій надзоръ за его поведеніемъ». Затѣмъ сдѣланы были и распоряженія объ отправленіи Лебедева въ Смоленскъ. Но 1 сентября 1830 г. государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ—означеннаго протодіакона Лебедева оставить при царскосельской придворной церкви еще на четыре мѣсяца, но съ тѣмъ, что ежели онъ замѣченъ будетъ въ пьянствѣ, то уже записанъ будетъ въ рядовые. Послѣ этого повелѣнія Лебедевъ удерживался на мѣстѣ еще три года. Въ послужномъ спискѣ за это время аттестовали его такъ: «поведенія порядочнаго». Наконецъ 9 октября 1833 года министр императорскаго двора сообщилъ протопресвитеру П. І. Криницкому и оберъ-прокурору С. Д. Нечаеву, для надлежащаго исполненія, что государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: протодіакона царскосельской придворной церкви Θεодора Лебедева, за неприличное сану его поведеніе, обратить въ епархіальное вѣдомство. Криницкій официально объявилъ объ этомъ Лебедеву 15 октября, а 5 ноября, вслѣдствіе указа св. синода, предписалъ ему явиться въ синодальную канцелярію для полученія паспорта на слѣдованіе въ Смоленскъ. Преосвященному же Іосифу, епископу смоленскому, указомъ св. синода отъ 30 октября предписано было, «дабы Лебедевъ помѣщенъ былъ на нѣкоторое время въ архіерейскій домъ или въ ближайшемъ монастырѣ для испытанія, и по усмотрѣнію образа жизни и поведенія его опредѣленъ былъ въ соответственную опону должность, съ порученіемъ имѣть за нимъ строгій надзоръ».

Изложенныя свѣдѣнія объ о. Лебедевѣ, почерпнутыя изъ архива канцеляріи заведывающаго придворнымъ духовенствомъ, любезно сообщилъ мнѣ правитель этой канцеляріи, ученый издатель Записанія Посошкова, Е. М. Прилежаевъ.

Сообщ. С. Г. Рункевичъ.

